

Отрыв

(Распространение мехов, часть I)

Ильза Дж. Бик

...Не, не, делали мы этот трюк. В битве над Тибальтом мы с Амандой делали этот ваш «отрыв». Сошлись близко до упора, жуть, ну-у, где-то метр, не больше. Трюк в том, что когда ты буквально размазываешься на другом, ты выглядишь одной жирной целью на экране у того парня, понимаешь? В общем, мы поперли оттуда как наскипидаренные, и выйдя за визуалку, Аманда ушла прочь, и крутнулась во всю мочь, нижняя полупетля, Сплит-S, девяносто градусов, и вот она уже пикирует, скручивая метры на высотомере, а я принялся давать жару, чтоб капелланцы и забыли глядеть на экран. Затем я ору: «Давай», и она выдает свой божественный «разворот летучая мышь». Дивная штука – бочка на 180, переворот через крыло с, заходом прям им под брюхо, а я наматываю метры ввысь, ну и каппи мотают метры, и они были так заняты, выглядывая вверх, что даже и не увидели, как она пришла до них. До тех пор, пока Аманда не проделала им по новой дырке в заднице. Ведомого буквально аннигилировало, а ведущий выпрыгнул, но купола мы так и не увидели. Не повезло парню.

В общем, ну да, «отрыв» Безумная штука. Срабатывает максимум раз за всю жизнь.

Но знаете... Именно ради такого вот и стоит жить.

– полковник Чарльз Кинкейд, подслушано
в «Двойной Страхолюдине», Терра.
19 октября 2435 года

*Сигнальные горы, Терра**22 декабря 2438 года**20:30*

Хакетту потребовалось шестьдесят секунд на то, чтобы умереть, на десять больше, чем ожидал полковник, и кровь из него перла как из недорезанного скунса; две струи темной крови залили заледеневший камень, словно вода – бетон. Взгляд Хакетта остекленел, колени его сложились, но полковник оставался с ним рядом, играя фонариком, подсвечивая его лицо желтым конусом света, словно прожектором звезду на пике своей недолгой, но убийственной карьеры. Струйки крови, извиваясь, исходили паром в ночное студеное небо. Рот Хакетта был открыт, словно у рыбки, отчаянно пытающейся дышать, но разрез был глубок и он перехватил трахею напополам. Удар милосердия: он задохнется задолго до того, как утонет в собственной крови или истощил бы ее совсем. Сознание же он потерял еще до этого. И затем Хакетт мешком рухнул навзничь, с размаху. Лужа крови принялась разбухать, подражая машинному маслу, выливающемуся из перевернутой бутылки. И тут поток крови ослаб – сердце Хакетта остановилось.

Полковник тихо выдохнул, и парок дыхания ушел ввысь, своего рода прощальным даром умершему. Рабочая его рука с ножом, правая, была вся липкой, и до него донесся ржавый запах, словно от старого матраца, забытого в ржавом вагоне под дождем. Нож был стандартом армии Гегемонии – HAF KA-BAR, черное на черном, с прямым клинком семнадцати сантиметров длиной, и блестящий от крови. Полковник обтер руки снегом, после чего потратил пять минут на то, чтобы очистить нож и покрыть клинок тонким слоем ружейного масла. Закончив, он вогнал его в ножны на правом бедре, и зафиксировал его внутри ремешком черной кожи с кнопкой. Пальцы его прошли по инициалам, заботливо вырезанным на рукояти – Ч.К.

Наклонившись, он обыскал Хакетта. Особо много у того не было, стандартный набор типа С, для упражнений на выживание – «Выживание, Уход, Соппротивление, Побег». Он забрал сухпайки майора и складной нож. Топорик и KA-BAR майора ему были без надобности. Вместо этого он оттянул ворот майорской парки и затем ворот униформы, термобелья и оливковой футболки. Тонкая цепочка блеснула в свете фонарика. Цепочка была в крови, но опознавательные жетоны Хакетта по-прежнему оставались синеватого металла, цвета алюминия, выдержанного в огне. Расстегнув парку, полковник рывком содрал жетоны с шеи Хакетта, после чего уронил их в радионепроницаемый мешочек, покоившийся у него самого на груди под термобельем. В мешочке они по-прежнему останутся теплыми. Металл звякнул о металл.

Выключив фонарик, он натянул прибор ночного видения на глаза. За последние дни он неплохо позабавился, но ему нужно было изрядно

еще побегать, прежде чем заснуть. Оголив левое запястье, он открыл взгляду корпус того, что походило на наручные часы, но ими не являлось. Вместо этого экранчик демонстрировал группу странных цифр. Постучав по кнопкам, он получил новый набор цифр. Азимут.

Поднявшись, он исчез в тени и вновь проявился, тут, там, и там, и наконец полностью исчез из виду – аватара надвигающейся бури.

Полигон Якима, Терра
24 декабря 2438 года
08:00

Горячий, влажный воздух обезьянника был вязок от едкой вездесущей застоявшейся вони испражнений пополам с кислинкой подгнивших фруктов. Аромат, для доктора Кэролайн Флетчер ассоциирующийся с Нью-Йоркской канализацией, помноженной на нечищенный коровник. Очередная струйка пота потекла по ее телу, нырнув между грудей. Она только что вернулась со стрельбища, первое, чем она занялась наутро – выстреляла две-три обоймы с ее Престар-Глока 90, лишь для того, чтобы хоть чем-то занять себя. На улице было жутко холодно, и на ней был черный кашемировый свитер, джинсы и черные ковбойские сапожки – абсолютно неподходящая одежда для обезьянника. Жара просто убивала.

Ее босс, доктор Хтов Гбарлеман, одарил весь штат нейрологов недель отдыха. Рождество и все такое. Армейский персонал тут же рванул прочь такими темпами, словно они заранее на это случай вставили себе в задницы по ракете. К несчастью, единственное серьезное приглашение ей погостить пришло из Сан-Антонио, да к тому же и от ее 90-летней тетушки с вставными челюстями и крашеной под безумного шляпника сединой. Так что, убрав ПГ-90 в футляр за водительским сиденьем, она проголосовала за лабораторию. Данные, стоящие обработки, цепочки нейронов, стоящие изучения, и т.д, и т.д, и т.д. ... Короче – работа.

Нейрошлем работал. Никаких вопросов. Но сама система заставляла ее нервничать. Скручивать мозги так, чтобы вымогать из них больше нейропептидов, чем требуется... Ей не нравилось это с самого начала, когда помощник директора – солдафон жутчайший, но выглядящий довольно недурно, принудил Гбарлемана включить усилительный контур в конструкцию семь месяцев назад.

Полковнику это пришлось по вкусу сразу же. Число убитых Кинкейда тут же резко подскочило – тот буквально балдел от симулятора – вопил, свистел, орал, в общем, вел себя как недорезанный кобвой на родео, забравшийся наконец на своего необъезженного мустанга. Рожденный для «Маки». Лучший из лучших. Супер снайпер Меткий Глаз спецчастей Гегемонии и все такое.

(Говорят, Черные Сердца просто озверели, когда их человек не прошел. Для самой Кэролайн это казалось глупым. Если Черным Сердцам так не хотелось пропускать кого-либо помимо парней из спецслужб, нечего было разрешать доступ остальным подразделениям. Кретинизм. Но, должно быть, это еще один из этих их, непонятных непосвященным, фирменных армейских кретинизмов).

Если хотите, зовите ее сексисткой, но Кэролайн болела за майора Каннингхэм. Не то, чтобы ее знакомство с пилотами выходило за рам-

ки обычных кивков. (Кэролайн была наемной специалисткой со стороны: спец по нейрофизиологии и ничего больше) Результаты Аманды Каннингхэм были чертовски хороши, и с эмоциями своими она управлялась получше. Тоже набирала победы, но без этого «Ууу! Е-е! Да!», без этой маниакальной жажды убийства. Может, Кинкейд и был чемпионом, но Аманда была лучшей. Ну, это все без учета всех этих политических танцев с покрывалами, без личных интересов Джейкоба Камерона в деле, без влияния семьи Кинкейд во всех видах промышленности, и немалого их вклада в изменения в проекте и всего прочего. В общем, можете верить – можете нет – все было честно и беспристрастно. Правда-правда.

Так что Кэролайн сидела в центральной лаборатории, водя взглядом по бессчетным колонкам цифр прочего, прочего. И по своему отражению в стекле, не то, чтобы она обращала на него внимание так уж особенно: каштановые волосы, забранные в солидный узел с кучей шпилек; лицо сердечком с узким подбородком и намечающимися морщинками. Может быть, глаза – большие, карие, темные – являлись лучшим, имевшимся у нее, но, с учетом того, к чему все клонится, толку-то с того...

И затем посторонние шумы привлекли ее внимание, медленно, с трудом, словно вода сквозь бумагу, просочившись к ней. Выпрямившись, она принялась прислушиваться. Напряженно. Это был не шум, это были крики, но не людские, это не человек кричал, это...

О, Господи...

Вылетев из лаборатории, она помчалась по коридору, подошвы грохали по линолеуму пола словно пушечные выстрелы, но к тому времени, когда она вбила кодовое число, прошла сканирование сетчатки и взломала опечатанную дверь обезьянника, крики прекратились.

Оказавшись внутри, она окинула взглядом самок, сжавшихся на деревянной платформе в трех метрах над землей. Люси, Бетти, Шана. Они по прежнему пребывали в ужасе; карие глаза их выпучились, белки глаз полностью обрамляли зрачки. Тонго, ребенок Шаны и сын Джека, казалось, старался размазаться по груди матери. Линус, флегматичный шимпанзе-подросток, первенец Шаны, вскарабкался на верхушку одного из сикаморов, что чуть ли не упирались в разборный потолок клеток. Это было странно.

С Джеком тоже было что-то не так. Безусловный вожак племени, Джек не был огромного роста. Шестьдесят килограмм, худощав. Очень общителен. Вечно лез обниматься. Не агрессивен, но умен. Как он стал вожаком, было показательным. Вместо боя насмерть, Джек стащил три пластиковых лотка и напал на бывшего вожака и его приятелей, вопя и колотя лотками все подряд. Шум был жуткий, прочие самцы в панике сбежали. Очень умный шимпанзе. Но сегодня Джек вжался в угол, словно боксер в тайм-ауте. Не смотрел по сторонам, ни на что не реагировал. Не издавал ни звука. Вел себя странно.

Обычно она сама никогда не приближалась к шимпанзе, предпочитала, чтобы они сами к ней приближались. Так что она была осторожна. Двигалась медленно. Уверилась, что ничто не загораживает ей выход, если что.

– Джек, – тихо сказала она, находясь где-то в метре от него, – Джек, что с тобой, мальчик?

В это раз, отчего-то, Джек ответил. Нет, не так. Он издал звук – зау-хал, словно сова, Кэролайн узнала этот звук сразу же, но не поверила ему, поскольку это было невозможно.

Шимпанзе рыдают, но не плачут. Печаль их озвучивается вокально: – Ух, ху, хуу-хуу-хуу... Звуки, издаваемые Джеком, нарастали, в громкости и частоте, росли. Жуткие. Дикие. Странные.

Она потянулась к нему, машинально, так, как мать тянется к ребенку, чтобы утешить его. Когда пальцы ее коснулись его топорщащейся, сухой шерсти, он содрогнулся, словно это прикосновение ее являлось электрическим разрядом, пронзившим его. Пальцы его задержались в дрожи, странно, дико знакомой. И затем Джек поднял голову, и она увидала его лицо. И мир рухнул вокруг нее. И все ее знания, и навыки пошли к черту.

Потому что Джек плакал.

Змеиная река, Терра
24 декабря 2438 года
08:45

Первое дело после убийства? Избавиться от чертова тела.

Майор Сара Джеймс делала все по учебнику. Заняла снайперскую позицию. Шевелиться нельзя, полный контроль над желаниями тела, невзирая на то, как холод пробирает тебя до костей, или на то, что нос твой по отмороженности уже сравнялся с медной пуговицей. (Слава небесам, что те опять спятили, и над Тетонами так и не пошел еще снег) Так что она продолжала лежать, замедлив сердцебиение. Пытаясь не думать о том, что желудок ее сводит одна большая, непрерывающаяся, долгая судорога, жгучая и острая, как кошачий коготь, рвущий кожу. Кроме того, она вся чесалась. Она не принимала горячего душа вот уже, казалось, вечность, и была до жути уверена, что ее униформа вполне может стоять и сама по себе.

Но ничто из этого не имело значения, поскольку полковник находился на западном берегу Змеиной реки и смотрел не в ту сторону. Полные сто-восемьдесят. Чарльз Кинкейд – суперзвезда Вооруженных Сил Гемонии во плоти, красавец, спортсмен, блондин и к тому же с синими глазами, за одни которые можно было удавиться. И убить. Она умирала от желания поиметь этого красавчика.

Она вновь впиалась взглядов в окуляр; вторичная проверка. Прицельные перекрестья залились багровым цветом, а идентификатор вновь прочел жетоны.

Кинкейд, Чарльз.
№ 11031902
ВРАГ

Отлично. Дистанция где-то... семьсот тридцать метров. Джеймс медленно выдохнула, струйки теплого воздуха брызнули из-под подкрыльев носа. Она выждала паузу между сердцебиениями...

Есть. И.... *Аманда Каннингхэм, сдохни от зависти, су...* Есть. Она выстрелила.

Тихое жужжание, и рубиновый луч лазера пронзил воздух. Луч уколол полковника в спину, и Кинкейд дернулся, словно рыба, вытасченная из воды. И упал навзничь.

И-и.... толпа ревет! Теперь ей будет, что отметить этой ночью! Джеймс подождала еще несколько секунд, прежде чем потрусить вперед. Кинкейд лежал лицом вниз, левая рука безвольно вытянулась вдоль бока, правая под животом. Его лазерная винтовка валялась вне пределов досягаемости скрючившихся пальцев его левой руки. Из предосторожности, и поскольку она всегда помнила обо всех стоящих

мелочах, она не стала опускать оружие, и обошла тело по дуге, отпнула винтовку подальше, вне пределов досягаемости. Полковник играл до упора. Правила говорили: упасть и лежать, не так уж и сложно, когда тебе влепят максимум чуть поменьше разряда тазера. Не так смертельно, как реальное попадание, но все равно выводит из строя на пару секунд. Закинув винтовку за плечо, она ткнула в правую ногу Кинкейда мыском ботинка. – Ладно, полковник, шоу кончилось. – И затем ухмыльнулась, поскольку она ныне стала на одну ступеньку ближе к возжеленному «Маки» – И, если не возражаете, вот что я скажу вам, сэр... вы хренов труп.

Полковник зашевелился. – Не, не я.... – сказал он. Он перекатился влево, и оказался на ногах, капюшон отлетел назад, правая рука взмыла ввысь по плавной дуге...

...и Джеймс остолбенела, обнаружив себя пялящейся на огромную черную «О», образованную рабочим концом глушителя.

– Но ты – уж точно, – сказал он и выстрелил.

Ускоряясь до полукилометра в секунду, кусочек металла преодолел одиннадцать сантиметров связки ствол плюс глушитель, и затем пропрыгнул те скромные десять сантиметров между Джеймс и дулом, еще прежде чем тихое «пффт» достигло ее ушей.

Но к тому времени, ну-у.... скажем так, череп ее уже взорвался.

Пункт Вдохновения, Терра**24 декабря 2438 года****08:50**

Майор Аманда Каннингхэм взгромоздилась на вершину гранитного зуба, именуемого Пунктом Вдохновения, нависавшим прямо над озером Дженни, прямо за ним и к востоку, и от крутых, скалистых, покрытых снегом вершин Гранд Тетон и Сент-Джон к западу. Но открывшимся видом она отнюдь не наслаждалась, вместо этого она вырезала острогу из осиновой ветки. Не то, чтобы ей так уж требовалась острога, просто ей нужно было чем-то занять себя. Как только встало солнце, она уже загарпунила себе хорошего размера гольца в озере Дженни. Подледный лов – лучшее дело поутру. Обрубив голову, она счистила ей чешую, вскрыла брюхо, и вырезала кишки. Кишки отправились прямиком под снег с землей, не то, чтобы из-за хищных животных, но если группа преследователей пройдет здесь, никто ничего не заметит. Костра она развести не могла. Дым шел по категории «ни в коем разе», дело совершенно понятное, когда ты стараешься изо всех сил, чтобы тебя не поймали. Так что рыбину она съела сырой. Это было нормально. Эй, люди платят уйму денег за то же самое в ресторанах и зовут это «сасими».

Сырая рыба, резьба по дереву, глаза на затылке – упражнение по выживанию во плоти. Книга бойскаута в полном объеме. Играя по правилам, Аманда должна была быть на ногах, двигаясь к Каньону Смерти, в двадцати с чем-то км к северо-западу. (Должно быть, скрывался в этом какой-то мрачный юмор) Немного вверх по Каньону Смерти и там ее будет ждать радио, по которому она могла бы вызвать вертолет спасателей. Предельный срок – полночь 25 декабря, и тебе веселого Рождества.

Та же самая хренова книга говорила – настал день и ты идешь. Она была уверена, что Хакетт и Джеймс, и Кинкейд этим и занимаются, поскольку кто первый добрался до Каньона, тот и выиграл. Вся хитрость в том, чтобы не дать себя поймать и остаться в живых.

Но в этом скрывалась и своя законная пакость. Не только отряды солдат охотились за твоим скальпом, но и *ты сам* мог избавляться от конкурентов. Покажи, что ты крут, как бизон и все такое. Выбивать своих собственных же людей было глупостью, даже если ты с ними и соревновался. Аманда не прожила бы так долго, если б следовала всем этим бессмысленным правилам. Не то чтоб она тратила уйму нервов и времени, страдая насчет своей работы. Она была солдатом и реалисткой. Кое-какие солдаты гипнотизируют свой пупок, гадая, является ли убийство врага ну, знаете, этим... высокогуманным деянием? К черту сопли. Думаешь, врага они заботят? Не хочешь убивать людей – становись писателем.

С другой стороны, некоторые правила существовали лишь потому что мало кто осмеливался нарушать их и не выходить в распыл. Ну как на Тибальте три года назад, этот «отрыв», которым он хвастался в баре. Досталась им с этого какая-то пара медалек, а тогда они с Кинкейдом праздновали это в постели, чуть ли не день подряд, в эйфории от радости, счастливые несказанно, что остались в живых.

При мысли о Кинкейде, пакостный голосок где-то из глубин ее подсознания, оставшегося с неандертальских времен завел свое: *Вот это-то тебя и гложет, милочка? Мало тебе того, что Кинкейд положил глаз на «Маки», но тебе приходится еще и тренироваться с ним, смотреть, как он прошивыривается по всем этим симуляциям? Мало, что он знает больше любого другого живого существа об этих всех стрелялках, и увешан побрякушками как елочка, в подтверждение этому. Но видать, как его распирает от экстаза, видеть, что стрельба его заводит больше, чем полет.... Ну ты понимаешь, а детка?*

– Заткнись, дура, – Неожиданно сорвавшись, она вонзила складной нож в сучок и зверски вывернула его, словно неприятно пялящийся на нее глаз, – Думаешь, вам вообще светило это «...жили долго и счастливо»? С дядей-Камероном на счету, а?

Она помнила тот день, когда все пошло к черту. Этот год, вечер четверга где-то в начале июля: опьяняющий, сладковатый запах лилий проникал сквозь открытое окно, лаская их обнаженные тела теплыми пальчиками ветерка, столь нежными, столь чувственными, словно бархатом по коже. Она была его ведомым вот уже четыре года и любовницей большую часть их них. Они были просто созданы друг для друга. В постели или вне ее, занимаясь любовью, она могла делать вид, что полковник Чарльз Кинкейд не был рожден для великих дел – и что одним из этих дел не была Изабель Камерон, директор-генералова четырёхуровневая кухня.

Они лежали на перекрученных простынях, Кинкейд на животе, слева от нее, бедром к бедру. Он был левшой, и это была его сторона, поскольку он просто ненавидел тянуться и нашаривать прикроватную тумбочку, ради того или этого. Она лежала на боку, опершись локтем о кровать, кончиками пальцев правой руки водя по бугоркам его позвоночника. Но сколь сильно она не желала его, она должна была это спросить. Считайте это болезненным любопытством, или самозащитой, но она сказала.

– Так ты женишься на ней?

Она ожидала, что он станет злиться. Может быть, этого она и хотела, скандал, кошачья драка, может быть даже полный разрыв отношений. Тогда утрата его не будет столь болезненной. Вместо этого он перекатился на бок. Глаза Кинкейда были синими, но темного оттенка, как небо в грозу.

– Знаешь ли, особого выбора у меня нет, – сказал он.

– У тебя есть выбор. Просто скажи «нет».

Кинкейд вздохнул:

– Аманда, мы говорили об этом уже сотни раз. У моей семьи есть связи...

– Кого волнует, где и под кем служил чей дядя? Да знаю я, что твоя семья была на службе у Гегемонии уйму лет.

– Это что-то да значит. Я не настолько в себя влюблен, чтобы верить, что Джейкоб Камерон слетит, если я не женюсь на Изабель...

– Джейкоб Камерон – кретин.

– Кретин и директор-генерал не обязательно две несовместимые должности. Даже если мы оставим военные связи моей семьи в стороне, довольно много Кинкейдов проявляют явный интерес ко столь безумно дорогому проекту, как этот. Не думаю, что мои родственники или их друзья будут счастливы увидеть, как миллиарды их инвестиций превращаются в дым. На «Маки» поставлено довольно много, знаешь ли, включая и то, как ты и я в будущем будем сражаться в наших войнах.

– И Кинкейды от этого без ума, я полагаю? Больше войны?

– Я бы мог сказать, что война – бизнес не хуже другого.

– Это уж точно.

– Да, – отозвался он. – Это уж точно. Очень дорогостоящий бизнес, не из тех, что можно позволить себе потерять. Так что, если проект провалится, ну или Камероны покажут слабину, то капелланцы, Федеративные Солнца, или даже какие-нибудь наши «верные до гроба» неудовлетворенные титулоносцы не колеблясь, вытащат из заглазников свои претензии и растащат нас на куски. И тогда все эти труды, как, скажем, на Тибальте, все эти смерти и страдания... все наши люди – все они тогда умерли зря, Аманда.

– Прекращай выставлять меня виновной во всем! – голос ее задрожал, а она не хотела, чтобы он увидел ее плачущей. – Будь ты проклят. Я тебя ненавижу, понял ты? И ее... ее тоже, ненавижу.

– Это политика, Аманда. Это все экономически оправданные шаги. Брак всего лишь один из факторов в жутко сложной схеме, бесчувственной и холодной, как и положено схемам, оперирующим жизнью и смертью. Это союз, которого моя семья желает, и в котором Камероны нуждаются. Ты отлично знаешь, что я не люблю Изабель.

– Я знаю *это* – сказала она, более резко, чем намеревалась. Рванувшись к нему, она переплела свои пальцы у него за шеей и перекатилась на спину, впиваясь в его губы своими. Затем они вновь занялись любовью, яростно и отчаянно и...

– Хватит. – Аманда стиснула кулаки. Торчащий наружу сучок впился ей в руку, но это было ничего. Сходить с ума по парню, что собирается жениться в феврале, как только отпилотирует «Маки» в первом реальном выходе...

Все это было интересно, но ни к чему хорошему не приводило. Раскрыв ладони, она уставилась на струйку багряно-красной крови, стекающую по кисти. Пыталась ли она банально потеряться и замерзнуть, чтобы не стать свидетельницей унижения избранностью Кинкейда, избранного лишь потому, что он Кинкейд? Даже если в действительности она была лучше?

Ничего не было еще определено. До сих пор были три возможных варианта развития событий между сейчас и полночью 25 декабря. Первый: Она могла выиграть. Добраться до радио, вызвать вертолет и прямиком отправиться в кресло «Маки».

Второе: Она могла дать себя поймать. Она ухитрилась минут два различных отряда за последние три дня и едва не вляпаться в еще один вчера под самый закат. Спускаясь с откоса, она увидела движение уголком глаза и тут же нырнула в укрытие. Трое человек, мелкие как муравьи на такой дистанции, пытались обойти Обрывистый Каньон, как минимум тысяча метров, и слишком далеко, чтобы достать их ее учебным лазером. Она пронаблюдала за ними достаточно долго, чтобы сообразить, что они собираются оказаться между ней и координатами подбора. Так что они могут ее задержать, если она не придумает, как вывести их из уравнения.

Или третье: Она могла позволить себя убить. У нее имелось трое человек, бегающих поблизости, и готовые убить ее, если смогут. Одним из них был Брайан Хакетт. Второй Сара Джеймс. И третьим был полковник Чарльз Кинкейд.

Аккуратно и осторожно Аманда сложила нож, опустив его в карман. Затем, отогрев пальцы под воротником, она вынула жетоны, те, что сигналили друг или враг. Поболтав синеватые с металлическим отблеском жетоны в воздухе, она понаблюдала, как они крутятся туда-сюда. Попутно они тихо звякали, как крошечные колокольчики.

Все возвращалось ко все тому же вопросу: сможет ли она нажать на курок, целясь в мужчину, которого любила и ненавидела в равной мере? Даже если это все было фальшиво? Она не знала. Но она знала одно – если Кинкейд найдет ее первой...

– Пуф, – сказала она.

Змеиная река, Терра
24 декабря 2438 года
08:46

Затылок Сары Джеймс взорвался розовым туманом крови, мозгов и костей, выпуская на волю дурманящий, солоноватый, отталкивающий, но странно приятный запах свежей крови, жженных волос и пеленой кожи. Удар пули отшвырнул ее на полметра, где она и рухнула на берегу, оставляя поле себя кровавое пятно, словно след от раздавленного гигантского слизня.

Он подождал немного, вслушиваясь и наблюдая. Какая жалость, что пришлось использовать глушитель, но в безмолвии этой глуши нехарактерные для нее звуки слышны за километры. О да, у него была очень даже пригодная винтовка. Он даже пользовался ей на неделе пару раз. Но у него все еще были дела, и незачем оповещать обо всем оставшихся участников.

Но все равно, он наслаждался, используя превосходно сработанный пистолет. Его SIG Pro-SP 2022 был просто чудом, антикварная вещь, передаваемая в его семье от поколения к поколению. Угловатый, с шершавой рукоятью, удобно укладывавшейся в его широкую ладонь. Рамка с темно-серым матовым покрытием, хотя вся верхняя часть, включая ствол, оставались чистыми, анодированного металла. Практически никакой отдачи, пятнадцать патронов в магазине. Это было бы так здорово, услышать громкий «бах»...

Он глянул на Джеймс. Она умерла за какие-то наносекунды. Руки ее свел предсмертный спазм, пальцы скрючились, а полусжатые в кулаки кисти почти касались плеч, словно предлагая ему принять вызов. Расфокусированные глаза чуть ли не вываливались из орбит, а рот был полуоткрыт, навеки придав ее лицу изумленное выражение. Кусок черепа нескольких сантиметров в диаметре чуть ниже макушки вышибло напроць, оставив вместо него красно-черную дыру. Мозги вытекали наружу, образуя на снегу склизкую розовато-серую кляксу.

Отвинтив и прирав в карман глушитель, он сунул *SIG Pro* в кобуру скрытого ношения прямо под поясом над пахом. Ствол все еще был теплым, что, с учетом всех прочих факторов, было потрясающе приятно. Затем, наклонившись, он прибрал также и гильзу, на всякий случай, никогда не скажешь, как выйдет.

Он бросил Джеймс на спину, перекатив ее, словно собаку. Затем принялся бороться с «молнией» ее парки. Теплопроводный слой, материал-проводник, проложенный между полиамидом снаружи и внутренним, влагонепроницаемым слоем, прослоенным нейлоном, сделал материал негибким. Наконец сдавшись, неохотно, язычок «молнии» поехал вниз, затрещав. Просунув пальцы под ее футболку, он чуть помедлил, когда они коснулись еще теплых холмиков ее груди. (Соблазн был велик, но

миссии проваливаются всегда, коль солдат позволяет себе позабыть о цели). Выдернув пару жетонов, он переместил их в свой специально сделанный для них карман.

Затем ему пришлось сломать ей руки. Трупное окоченение не только зафиксировало ее предплечья под подбородком, но и развернуло ее локти в стороны. Так что он хватал ее за запястье своей правой, упирался в соответствующее плечо левой и принимался дергать. Он уже взмок от пота к тому времени, когда кости сломались пополам. Смахнув выступивший пот с лица, он схватил ее за подмышки и потащил ее тело целиком, – минус львиная доля мозгов, вытекших из ее разбитого черепа (он просто поражался, насколько не осознают люди, что их мозги – та же жидкость) – прочь от берега реки, к снаряжению, оставленному ей за грудой булыжников. В последнем ледниковом периоде эта местность была глетчером, ледником, и ландшафт был буквально усеян обветренными валунами, с линиями, сглаженными водой, ветрами и временем. С другой стороны, местность также была территорией горных львов, кугуаров, имелись здесь и гризли, и более мелкие хищники, никогда не бывшие против пальца там, уха здесь, ступни где-либо еще. Без жетонов они не найдут Джеймс, или то, что от нее останется, долгое, долгое время, и, даже тогда, скорее всего, не одним куском.

Он прервался на секунду, чтобы обшарить ее карманы. Все практически тоже, что и у Хакетта. Единственным оружием Джеймс был ее учебный лазер, маломощная версия Маузера 480 – стандарта Вооруженных Сил Гегемонии, со встроенным опознавателем «свой-чужой», для считывания жетонов. Но также его ждал и приятный сюрприз – небольшой запас запаянных в полосу целлофана плиток рациона. Плехнувшись на валун, он оторвал одну из них, наиболее соблазнительную, обещавшую на вкус быть смесью орехового масла и шоколада, но увы, ею не являвшаяся.

Поглощая его, он вытащил фотоснимок из своего левого нагрудного кармана. Снимок был сделан в Макбет-сити вскоре после битвы на Тибальте; он узнал луковицеобразную контрольную вышку космопорта. И разумеется, там была Аманда. Худенькая и очень высокая для пилота, почти двух метров роста. Она стояла, громоздкий шлем был в ее левой руке, правая ее рука была на лесенке к кабине ее истребителя, правый ее ботинок уже также стоял на нижней ступеньке. Ее оливковый летный комбинезон лишь подчеркивал ниспадающий на плечи неукротимый водопад волос, акцентировавших все внимание на ее глазах – зеленых и загадочных, словно глубины леса. Потрясающая, соблазнительная, но полная тайны и доводящая до безумия. И сколько бы он не изучал черты ее лица и тела, они все еще ускользали от него, дразня его, пребывая на грани осознания, словно полустершийся сон.

Дожевав последнюю из плиток, он сглотнул, после чего приложился к фляге Джеймс, сделав солидный глоток. Вода имела четкий привкус

чистящих таблеток, но была ледяной до ломоты в зубах, и эта физическая боль столь дивно принялась соперничать с той болью в груди, испытываемой им каждый раз, когда он смотрел на снимок Аманды. Желание вновь стиснуло его сердце.

Торопливо он сунул снимок в карман. Стиснув туго сцепленные пальцы в комок, он принялся ждать, пока молотящийся барабаном пульс утихнет. Лишь после этого полковник встал, повернулся спиной к телу Джеймс и устремил взгляд на запад, в сторону Каньона Смерти. Довольно удачное название, поскольку именно туда, знал он, Аманда должна и будет направляться.

В безумии, обуревавшем его, была своя метода, свой стержень, своя цель – он оставит Аманду напоследок, напоследок здесь, во всяком случае, и, о, боже, что за трагедия ожидает директор-генерала.... О, да, Гегемония содрогнется от его мести, поскольку он желал ее. Он ее желал, и он ее получит – тело Аманды в его власти, кровь Аманды в его рту, *жизнь* Аманды – его, и его лицо искаженное ужасом, пока она будет умирать. Он желал этого, страстно, до боли, и этот момент приближался, все ближе и ближе.

Не сперва они немного поиграют. В кошки-мышки. Кошка спокойна и терпелива, знает когда нападать и как калечить не убивая, так, чтобы игра продолжалась и радость ее не убывала. А потом, когда кошке игра надоест?

Улыбнувшись, он вытянул правый указательный палец, чуть согнув его, классический жест стрелка, знакомый всей вселенной.

– Бум, – сказал он.

Полигон Якима, Терра

24 декабря 2438 года

10:30

– Болезнь Паркинсона? – переспросил полковник Натан Пауэрс. Он стоял прямо за спиной Кэролайн, и когда он, перегнувшись через левое ее плечо, читал наперегонки с нею данные с экрана, она уловила слабый запах пота и крема после бритья, – Быть такого не может.

– Я говорю лишь, что подобное возможно, – Она была как на иголках, ведь он был так близко. Флотский хирург, привыкший иметь дело с летунами, являлся одним из привлекательнейших мужчин, каких ей только доводилось видеть – черные волнистые волосы, коротко остриженные, темно-карие глаза, и чуточку припухлая нижняя губа. Одет он был соответствующе для горного велосипедиста – темно-синий флотский комбинезон, утепленная куртка, перчатки, шляпа, байкерские утепленные очки на резинке поверх нее. Комбинезон на изумление неплохо обрисовывал икры и бедра, и она с большим трудом удерживалась от разглядывания его и неприличных мыслей насчет того, каков же он без этого своего наряда...

Быстро она вновь вернула все свое внимание на экран. – Ну, я не очень-то в этом уверена, но вот запись... – она нажала пару клавиш и словно сдувшийся, согбенный старик возник на экране, – этого вот пациента, подозрительно совпадает с тем, что я увидела.

Запись была явно сделана в больнице какого-то рода. Флюоресцентный свет лампочки над головой старика окрашивал его и без того пергаментную кожу болезненно-желтым. Безымянное невнятное больничное облачение, также болезненно-желтое, открывало тощую его шею. Струйка слюны, серебрясь, тянулась от его нижней губы. – Обратите внимание на руки, видите, как они трясутся, даже если он ничего и не делает?

– Я знаю, на что похож пилульный тремор – огрызнулся Пауэрс, – я все-таки доктор, если вы еще не забыли.

– Я помню, – волна жара накатила на нее, вплоть до шеи и ушей, что заставило ее рассвирепеть. *Черт бы побрал этих военных! Самодовольные и вечно зацикленные лишь на себе зазнайки, уверенные, что лишь они одни тут с мозгами.* ~ И хоть я и знаю, что я ничего не понимаю в обезьянах, позвольте мне сказать вам кое-что, «доктор». Шимпанзе не болеют Паркинсонкой. И малярией они тоже не болеют, и СПИДОМ, и хореей Хантингтона также. Может они и наиболее близкие генетически наши родственники, но они не страдают много чем, если только мы, люди, в этом им не помогаем!

Пауэрс насупился.

– Да, но то, о чем вы говорите, требует хирургического вмешательства или воздействия лекарств. Мы же не давали им ничего.

– Да кончайте вы, а? – огрызнулась она. Может, он и был красивчиком, но она не собиралась терпеть личность с отмершими мозгами лишь из-за смазливой мордашки. – Вы не хуже меня понимаете, о чем я говорю.

– Да, да, знаю, – голос его стал монотоннее, а глаза посуровели. – Вы желаете свалить вину с какой-то вашей дефективной обезьяны на наш усилительный контур, который, так уж получилось, вам отчего-то не нравится.

– Я не обвиняю ни вас, ни ваш это драгоценный контур. Но реалии таковы, что это ваш контур воздействует на участки мозга, отвечающие за внимание, сосредоточенность и концентрацию, и так уж получилось, что они кореллируют с допамин-насыщенными нейронными узлами, вроде подкорковых узлов, и передних лобных долей, а допаминговое голодание...

– Тогда как вы объясните то, что когда мы проверяли уровни нейропередачи ваших драгоценных шимпанзе, три месяца назад, с допаминowymi уровнями все было в порядке?

– Ну, может быть, мы не следили за ними достаточно долго?

– Да, вы так считаете? – он осел на стул. – Прошу прощения, зря я так на вас набросился. Вы были правы, вызвав меня. Черт. Да, это вписывается в картинку, даже это плачущий псих. Действительно, люди с болезнью Паркинсона могут отличаться резкой сменой поведения. Утрата контроля над эмоциями и все такое... – поворотив свои волосы, он медленно выдохнул. – Мы спорим на пустом месте. Нам нужен ветеринар, а я специализируюсь по людям.

– Он вольнонаемный, на полставки. И из Сиднея, к тому же. Я уже звонила в центр связи, и они ответили мне, что не могут выйти с ним на связь без разрешения вышестоящего руководства. Это ваша работа – давать подобные разрешения.

– Я всего лишь помощник директора, – запротестовал он. – Гбарлеман здесь босс.

Угу, именно поэтому Гбарлеман вытянулся по струнке, когда вам приспичил это контур.

– Он гражданский, и в Тель-Авиве, к тому же. На другой стороне этой чертовой планеты.

– Ясенько. – Пауэрс принялся изучать ее взглядом, – Между прочим, а что Вы здесь делаете? Я просматривал служебную записку Гбарлемана несколько дней назад. Вы должны были быть в Сан-Антонио.

Она ненадолго задумалась, чего это его так заинтересовало, но, помедлив, решила в это не вдаваться.

– Я... изменила планы. Мне нужно было многое сделать. К примеру, обработать все те данные уровней нейронов, что мы получили из симуляторов с Кинкейдом и остальными.

– А подождать это не могло?

– Ну, я не против, посидеть в одиночестве. Мне нравится хоть немного побыть в тишине. – солгала она. Затем сказала правду, – Кроме того, я ходила пострелять. Это мне тоже нравится.

– Да? – Пауэрс уже с новым интересом уставился на нее. – И что за лазером вы пользуетесь? Санспот?

– Нет, пистолет, полуавтоматический. – Она рассказала ему о своем PG-90, он, в ответ, задал ей пару вопросов, вроде того, где она берет патроны, и в то время как ей даже понравилось болтать так, и он явно выглядел заинтересованным темой, она заметила, – Послушайте, обсудить все эти стрелялки мы можем и позже, а сейчас нам нужно что-то делать. Найти ветеринара, провести анализы. Может быть, ну, я не знаю, и пилотов заодно проверить тоже.

– Под Рождество? Устроить здесь пляску с бубнами из-за того, что у одного шимпанзе сдали нервы? Кроме того, Кинкейд и остальные все равно на каких-то там учениях.

Это была новость, но, в принципе, все было логично. Будучи вольнонаемной, гражданской и довольно далекой от верхушки проекта, ей никто ничего не сообщал.

– Где?

– Понятия не имею. Они не ставят меня в известность о такого рода вещах.

– Так что же нам делать?

– Хотите моего совета? Я бы сказал, закрыть лавочку, выключить свет, пойти пострелять, и, может быть, я приглашу вас на ужин.

Поморгав, она переспросила, – Что?

– Стреляем. Вы, я. Потом ужинаем. Потом, может, по пиву. Да ладно вам, это же Рождество. Забудьте вы об этих обезьянах. Пускай пару дней потерпят. – Увидав ее неверящий взгляд, он добавил, – Вам нужно было мнение начальства, ну так вот вам оно. Всему свое время. Вы знаете, как это сложно, изменить уже отданные приказы?

– Нет.

– Очень. Мало того, что вас ждет двойная проверка, к тому же придется постараться вылизать начисто волосатую задницу командующего базой. А это, на данный момент, будет генерал Коулман, и я не собираюсь срывать его с рождественского приема или раздражать его жену, лишь из-за того, что какой-то там шимпанзе свихнулся. Мне придется убить на это часы, может быть – дни. И затем, десять к одному, все это окончится большим пшиком, и я заполучу себе на задницу лососинный удел. – Увидав озадаченное выражение ее лица, он вздохнул, – Потрачу день, может два, на то чтобы, надрываясь, плыть против течения, и все это лишь для того, чтобы надорваться, порвать себе пупок и сдохнуть. Извините, это не мой стиль жизни.

И это был не тот ответ, что она ожидала.

– Ну, да, конечно, мне очень жаль и все такое. Какая я глупая, думать,

что помощник директора, знаете ли, может заинтересоваться...

– Эй, эй, – он поднял руки вверх, – Секундочку, леди, как насчет того, чтоб вернуться на грешную землю...

– Нечего меня перебивать! У меня нет власти, чтобы сделать то, что должно, так что не могли бы вы... – она неожиданно оборвала фразу. – О, нет, только не снова, – и она торопливо принялась вылезать из-за своего рабочего места.

– Что такое?

Но она уже двигалась к двери.

– Шимпы, шимпанзе, вы что, не слышите их? – Рывком она распахнула дверь и какофония воплей и визга ударила по ушам. И она сорвалась с места. – Быстрей, бежим!

Казалось, они бегут по ущелью, в котором бьется эхо воплей, отражаясь там и сям, посылая мурашки по коже, вселяя дрожь. *Господи*. Она сложилась пополам, пытаясь вбить код, ругнувшись, когда пальцы ее соскользнули. *Быстрее, внутрь, быстрее...*

Пауэрс уже был рядом.

– Не так, – выдохнул он, отпихнув ее, – Командирский пароль. – он вбил код, и стоило двери зашипеть, схватился за край обеими руками, заставляя гидравлику испустить протестующий скрип. – Давайте, я прямо за вами. Вперед!

Она протиснулась сквозь щель, и вскоре уже была на месте. Затем она чуть не отлетела вбок, заскользив, когда Пауэрс налетел на нее. Сила удара выбила воздух из ее груди, и она едва не упала, но он успел ее ухватить, рывком поднял, и прижал к груди.

И они просто застыли там, молча. Потеряв дар речи.

*На пути к Каньону Смерти**24 декабря 2438 года**12:30*

Аманда засекла падальщиков первой, большое, черное, воронкообразное облако, нарезающее круги к юго-западу. Особо о нем она не думала, много чего умирает в лесу, что с того? Но когда она начала подъем на хребет, обтекающий озеро Фелпс и выводящий к Каньону Смерти, то осознала тот факт, что падальщики близко, чуть ли не у нее над головой. И вновь, это мог быть лишь обман зрения. Сложно судить о дистанции в таких условиях. Но когда она почуяла запах крови, то осознала, что что-то сильно, очень не так.

Она была слишком возбуждена, чтобы спать. Чувство, напоминавшее ей о пегом жеребчике, бывшем у нее примерно лет этак в десять – одиннадцать. Рекс, так его звали. Каждый раз, стоило ему увидеть родную конюшню, он переходил на галоп, как бы ни дергала она за поводья. И сейчас, как и Рекс, она рвалась к кормушке. Плохая тактика, так и есть. Книга гласила – сохраняй темп, и ты даже сможешь отдохнуть. Но она – не могла.

Первый отрезок вдоль ручья Коттонвуд шел прямо к югу и был прост и легок – широкая лощина. Смерзшаяся прерия и луг, и слава те господи, никакого снега. Но и никаких людей. Ничего – и это было странно. Она вскинула свой учебный лазер, неся его как настоящее оружие – ляжка вокруг шеи, приклад, прижатый к боку, палец на предохранителе. Она не могла никого им убить, но засечь метку в семиста тридцати метрах могла, в одиннадцати сотнях, если повезет. Но увы, ни Хакетта, ни Джеймс. (К черту Кинкейда, пускай выигрывает, если так хочется. Она просто будет так близко от его задницы, что он подумает, что она там вытатуирована) Странно.

Она не видала также и признаков преследующих их солдат также, и это беспокоило ее даже больше. Она уже осознала, что не сможет просто проскользнуть мимо них, но должна была как-то обойти их. Проблема была, где и когда. Она чуть ли не затвердила все инструктажи и изучала карты до тех пор, пока не стала знать местность лучше своего собственного имени. Когда она двинулась на запад и углубилась в горы, ее путь пролегал вверх и вниз по покрытым буреломом моренам вплоть до озера Фелпс, где она должна была обогнуть северный край озера. С этого места особого выбора у нее уже не оставалось, кроме как вкарабкаться к Каньону Смерти, спуститься на юге, затем обогнуть Полку – и вот оно, радио. Путь до Каньона Смерти был крут, наклон все время менялся всю первую треть пути. На полпути деревья поредел. Край каньона, невзирая на его жуткую высоту и хорошо видимые рваные ступенчатые обрывы, весь зарос полынью, редкими чахлыми елочками, и под ними проглядывали осыпи. Но спуск по ним даже и

не рассматривался, не имея альпинистского снаряжения, там нигде, за исключением пары мест, спуститься было нельзя.

Она «обсасывала» этот вопрос до мельчайших деталей, остановившись передохнуть. Пыталась посмотреть на сложившуюся ситуацию под другим углом. Не только как просто уклониться от солдат, но и как, к примеру, этих парней сделать. Если бы она могла конфисковать у них оружие, это сделало бы все раз в десять сложнее, поскольку тогда им требовалось бы подобраться к ней близко. С этим у них не получится больше ткнуть вдаль и пальнуть, выдав электрический импульс. Нет, конечно, не чуть ли эквивалентный шоковой дубинке разряд, считай смертоубойный, нет, просто легонько дернуть током, дав знать, что тебя сделали, все благодаря внутренней термо-сетке, вшитой в ткань ее парки и униформы. (Одежду, крути не крути, при всем желании отобрать не получится. Низкая температура ни в коем разе не позволяла бегать тут кругами, сверкая голым задом. Конечно, она могла сжульничать. Снять жетоны-идентификаторы. Хотя в этом также были свои тонкости – жетоны реагировали на тепло человеческого тела. Сними жетоны более чем на два часа, и они поменяют цвет и назад его не вернут, как ни старайся. Встроенная защита. Любой, пойманный с черными жетонами будет незамедлительно дисквалифицирован). Так что, думая неортодоксально, она пришла к выводу, что лучше выкинуть, то, чего от нее не ждут. Вцепиться им в глотки. Прокрасться. Свистнуть их винтовки. Безнаказанно смыться нахрен. Оставались мелочи – всего лишь найти их.

Морена, внутри которой покоилось озеро Фелпс представляла собой один огромный ковер из темно-зеленых корабельных и белокорых сосен, а также тонких, оголившихся кустов и тщедушных стволиков тополей. Солнечный свет омывал замерзшее озеро за ее спиной, заливая все окрест невыносимо ярким светом, заставляя черные крылья падальщиков выделяться на этом фоне черными кляксами, а ее слепя так, что потом приходилось долго промаргиваться, избавляясь от радужных пятен. Она, впрочем, подозревала, что счастье это долго не продлится и лес вскоре кончится, выставив ее на открытое место. Разрывы между деревьями становились все больше, деревья мельчали, становясь все приземистее и дальше друг от друга, и даже воздух определенно начинал холодеть.

Но вскоре, одновременно, произошли два события – взглядом она заметила ровную линию верха палатки и почуяла носом безошибочно узнаваемый запах сгоревшего кордита и пролитой крови.

Резко застыв, она нырнула за ствол сосны. Скрючилась в три погибели и принялась ждать. Так и не услышав ничего, она выглянула из-за дерева. Ни движения, и теперь она засекла уже две палатки – одна прямо перед ней, обращенная на запад, и вторая, чуть боку от той, направленная в противоположную сторону – на восток. Полы восточной

палатки чуть разошлись, но это все. Запах крови никуда не делся, густой, чуточку... воздушный, запах свернувшейся крови.

Она чуть расслабилась, продолжая оставаться за деревом. Пожевав губу, откусила отшелушившийся кусочек кожи. Бросила взгляд на хищников. Подумала, хорошо и как следует о том, что ей делать дальше. Поскольку не было никаких сомнений – впереди ее лежит мертвечина. Она пробыла солдатом достаточно долго, чтобы понимать – неожиданности случаются все время. Постоянно.

И затем ей пришло в голову альтернативное объяснение – это все тоже проверка. Поддастся ли она чувству самосохранения и уйдет, не проверив места, буквально вопящего о необходимости проверить его? Или же отправится все «разнюхать», но осторожно, не давая себя поймать или «убить»? Новые раздумья, новая морщинка. Она попыталась вспомнить, не говорилось ли на брифинге о сценариях, включавших в себя симуляцию жертв, и не вспомнила ничего. Но – дерьмо случилось. С учетом ее предположения о том, что Кинкейд был далеко впереди, на секунду она задумалась, что же такое это он выкинул, и тут же обругала себя за одну мысль об подобном.

Она глянула вправо, влево, назад. Палатки были метрах в трехстах от нее. Изучив деревья поблизости, она отметила то, как они мельчают влево и густеют вправо. Направление вправо было очевидным, и, несмотря на всю его очевидность, и лучшим выбором заодно. Так что вправо она и двинулась, осторожно, чередуя темп, делая остановки вновь и вновь, оглядываясь по сторонам и назад. Безмолвные хищники продолжали кружить над головой. Вскоре она продвинулась к ближайшей палатке, той, что открывалась на запад, в противоположную сторону. Ткань ее обвисла и пахла кровью. Скользнув, она ушла вправо и вниз, оставляя палатку слева от нее. И принялась вслушиваться. Пахло кровью.

Продолжай, она переместила вес на носки. Ты зашла уже достаточно далеко, можешь и еще чуток.

Задержав дыхание, она обогнула угол.

Полковник отслеживал ее в прицел со своей позиции почти в пяти сотнях метров к северу и чуть вверх, на дереве. Вообще-то, если бы у него был выбор, он предпочел бы приличное дерево, а не сосну. Ему не нравился запах смолы, а иголки кололись. Но они предоставляли неплохое укрытие.

До прибытия Аманды, он использовал паузу на то, чтобы проверить свою винтовку, очередной антиквариат – несамозарядная, со скользя-

щим затвором, Баррет М468. Ствол был всего лишь сорока сантиметров длиной с дульными тормозом, как для рассеивания пороховых газов, выходящих из ствола, так и для выброса части их назад и вбок, под сорок пять градусов для погашения части отдачи. Он устраивал оружию тщательную проверку и прежде, но у него были сомнения. Продолжая ждать, он отщелкнул магазин, примяв вниз, правым большим пальцем, первый блестящий патрон. Затем он ослабил нажатие, изучая темп его возврата. Десять патронов в магазине, десять пуль – цельнометаллическая оболочка, каждая шесть и восемь миллиметров, увенчанные четкой, кроваво-красной головкой. У него было три таких магазина, более чем достаточно. Он подал магазин назад, до щелчка.

Просканировав площадь вокруг палаток, он увидел движение, упер правую ногу об ветку, а затем винтовку о холмик над коленом, после чего прильнул к прицелу. Прицел не принадлежал этой винтовке, он был сделан на заказ, так, чтобы он мог видеть, в кого стреляет, прямо как на ладони. И – вот она – неясные очертания в узком кольце – словно на религиозном медальоне. Он тронул колесико и черты ее лица стали контрастнее. Она откинула капюшон назад, голова ее была чуть наклонена влево, и в позе ее отчетливо читалось напряжение, и, с его точки зрения, чуточка страха. Лицо ее было бледным, что делало ее потрясающие зеленые глаза еще бездоннее. Он резко выдохнул. Само воплощение красоты, как он ее помнил, лицо, являвшееся ему в грезах.

Когда она помедлила на пороге палатки, в которую он знал, она заглянет, он уже был готов. Он видел, как она напряглась, и как резко крутнулась. Затем она дернулась, чуть застыла в шоке, и он навел перекрестье прицела ей на спину, чуть левее центра и прямо над сердцем, в тот самый момент, как она испустила короткий, резкий вскрик ужаса.

Полигон Якима, Терра

24 декабря 2438 года

12:32

– О, господи, – выдохнула Кэролайн. Колени ее ослабели, и она неожиданно осознала, что выражение окаменеть от потрясения вовсе не образное.

Кровь. Она была повсюду. Или, может быть, это ей только казалось. Самки – Люси и Бетти, по-прежнему вопили со своего насеста. Но Шана не кричала. Вместо этого она валялась на полу, раскинув конечности в луже свертывающейся крови. От глотки ее осталась лишь страшная, обнаженная, зияющая дыра. Лишь половина ее мордочки осталась относительно невредимой. Все прочее превратилось в окровавленную вмятину. Оставшийся затуманенный карий глаз пусто смотрел в точку где-то позади правого плеча Кэролайн. Ей также достался и не один укус в живот – куски плоти – темно-красные – печень, и блестящие голубовато-розовые кольца кишок торчали наружу, и помимо этого Кэролайн пришлось увидеть и жуткое, отвратительное зрелище женской утробы, разорванной начисто.

Где Линус? Где Джек? И ребенок, где же ребенок? – с трудом отведя преисполненный ужаса взгляд от Шаны, она провела им по обезьяннику, наконец приметив Линуса, сгорбившегося в берлоге на ветках. Может ребенок...

Пауэрс коснулся ее плеча. – Там. – Рот его был недалеко от ее уха, и она почувствовала как его дыхание щекотнуло ей щеку. Он указал куда-то вверх, куда-то над ее головой. – На дереве.

Джек сидел на верхушке самого высокого из сикаморов. Рот его был широко раскрыт, губы оттянуты, а зубы в красно-оранжевых пятнах крови. На каждый вопль самок он отвечал своим рыком. Но как бы дико и страшно это не было, худшим было то, что в левой его кисти болталось окровавленное тельце его сына, Тонго.

– Нет, – выдохнула Кэролайн. Горячие слезы замутили ее взор, и она спрятала лицо на груди Пауэрса. – Нет, нет, нет.

– Пойдемте, – обхватив рукой ее за плечи, Пауэрс подтолкнул ее к двери. – Пойдемте, здесь мы ничего сделать не сможем.

Она дернулась. – Нет. Не можем же мы так все оставить! Мы должны сделать что-нибудь!

– Что? Ребенок мертв, не так ли? Остальные обезьяны? Им вы тоже ничем помочь не сможете.

– Но Джек...

– Ну, и что? Вы собираетесь до него карабкаться?

– Я могла бы стянуть его вниз...

– Нет.

– Но должна же я сделать хоть что-то!

– Остаться в живых, к примеру. С чего это вы решили, что он и вас не разорвет? Нужен был вам вердикт от начальства? Ну так вот он вам. Возвращаемся назад в лабораторию, где мы сможем спокойно над всем подумать.

Она резко отстранилась от него, когда он попробовал ее обнять. – Но что насчет остальных обезьян? Что насчет них?

– Ну, к ним он не лезет, нет? Он убил лишь одну из них и ребенка. Думаете, оставались бы они все в живых, если бы он как-либо не мог себя контролировать?

Он был прав, по-своему. Так что она позволила ему себя увести. Но крики преследовали ее, на всем пути назад, до лаборатории.

*На пути к Каньону Смерти**24 декабря 2438 года**12:45*

Она испустила придушенный крик, еще прежде чем осознала, что натворила. Затем тренированность взяла свое. Нырнув вниз, она переложила бесполезный учебный лазер в левую руку, после чего отщелкнув пальцем кнопку над ее КА-BAR, выхватила нож одним быстрым движением. Сердце ее колотилось как бешенное, а легкие раздувались словно мехи. Взор повело, похоже, передышала кислорода. *Медленнее, медленнее, по шагу за раз...*

Она не смотрела на людей, по крайней мере, не пристально. Примерно минуту. Сперва убедиться в том, что *ее* никто здесь не ждет. Скользнув вдоль палатки, только что обогнутой ею, она приподняла полу стволом лазера, и также быстро уронила назад, с ножом наготове. Пусто. Лишь раскрытые мешки и две скатки. То же самое, что и во второй палатке, но там мешок и скатка имелись в одном экземпляре, должно быть имущество главного, старшего сержанта отряда. Часть ее желала мчаться прочь отсюда, вопя, и как можно дальше – другая же знала, что ей нужно пройти через все это, если ей хочется остаться в живых.

Они все сидели бок о бок – спинами к ткани палатки, второй и третий наклонившись, так что головы их касались друг друга. Было бы смешно, если бы не было так страшно. Одиночные выстрелы в грудь, пулевые, калибр – крупный. Очень точные выстрелы. Кто бы ни убил их, он желал убедиться в этом, поскольку парки их были расстегнуты и сдвинуты на плечи. Футболки были разрезаны посреди и раскрыты, словно страницы книги, так что она могла видеть входные отверстия, каждую одиночную, узкую дырочку шести-семи миллиметров диаметром под левым соском и чуть сбоку. Прямо над сердцем. Лишь капля крови, уже свернувшейся, подобно замерзшей слезе. Недостаточно, чтобы стать причиной столь удушающего запаха крови.

Причиной же запаха были – перерезанные горла. От уха до уха. Сердца, даже те, что прострелены насквозь, бьются в агональном ритме еще примерно минуту. Быстрый взмах ножом слева направо, этого более чем достаточно, чтобы кровь брызнула фонтаном. Кровь, собравшаяся в толстые ручейки и уже начавшая подмерзать.

Но перерезание плотов, это было уже чересчур. Как и усаживание их в ряд, словно зрителей. Если только... она отступила на пару шагов, и оглядела окрестности. Ага, справа от нее, так и есть – КА-BAR, воткнутый в землю. Два комплекта жетонов обвивали рукоять черной кожи, с полувысохшей на ней кровью. Наклонившись и выдернув нож, она увидела инициалы на его пятке – *Ч.К.* Затем уронила жетоны себе в руку. Джеймс. Хакетт. Жетоны были черными.

Мускулы ее челюсти напряглись. Она ни на секунду и не поверила, что это Кинкейд поубивал всех их. Ну да, он был супер-снайпером, и да, он любил вызовы. Но она знала, что он был настоящим солдатом и настоящим мужчиной. Если у убийцы был нож Кинкейда, следовательно Кинкейд был мертв. Ее изумило то, что она не чувствовала горя. Может быть оттого, что внутри она также была солдатом, а солдаты горюют лишь тогда, когда для этого есть время. Прямо сейчас она была занята. Ей нужно было остаться в живых.

Все, буквально все вопило о том, что она осталась последней. Что означало также, что спектакль этот был разыгран исключительно для нее, кем-то знавшим, что она придет сюда. *И если он все это так устроил...*

– То это для того, чтобы понаблюдать за моей реакцией, – сказала она, неожиданно – О, черт...

И как бы доказывая ей, что убийца читал ее мысли, левую ногу ее пронзил раскаленный прут ослепляющей боли.

Полигон Якима, Терра

24 декабря 2438 года

13:30

– Подождите-ка, – сказал Пауэрс. Он все еще сжимал ее руки своими, наклонившись вперед, так что лица их были менее чем в полуметре от друга. – Давайте подумаем обо всем этом как следует. Может быть, это все даже неплохо.

– Что?! – Кэролайн вырвала свои руки из его, так что теперь Пауэрс сжимал в ладонях лишь воздух. – Как вы можете такое говорить?!

– Разве вы не сказали только что, что подобное, это обычное дело?

– Нет, я сказала, что это не так уж необычно, если самец убивает ребенка, даже своего. Но это кое-что, что Джек никогда не делал.

– Что не означает, что сделать подобное он не мог. Откуда вы знаете, что такого рода агрессивное поведение не имеет естественных причин?

Она моргнула. Веки ее зудели, а нос забит от слез. Джек – убийца? Каннибал? Шимпанзе могут быть сменять настроение по мановению ока – покорные в одну секунду – бешеные убийцы в другую. Они охотятся, обычно стаями, дополняя свою растительный рацион свежим мясом. Но шимпанзе в обезьяннике были на сбалансированной диете – с месячными интервалами они получали куски сырого мяса как раз для предотвращения подобных случаев.

С другой стороны, ей было известно, что шимпанзе убивают не хуже чем люди, и по разным причинам: чтобы подчеркнуть свое превосходство, отомстить, или просто потому, что им этого хочется. Она сказала все это, затем добавила: – Скажем так, в качестве аргумента, что поведение Джека естественно, что он убил Тонго из ревности или еще из-за чего. Но Шана? Я вообще не слыхала о случаях, чтобы любой самец убивал и мать и детеныша одновременно. Обычно это делают самки. Джек же вел себя... садистски.

– Вы придаете ему человеческие мотивы. В действительности вы не имеете ни малейшего понятия о мотивах, двигавших Джеком, не так ли? – Когда она ему не ответила, Пауэрс продолжил: – Может быть это обычная банальнейшая агрессия. Но, с моей точки зрения, это может оказаться даже и неплохим результатом.

Она горько хохотнула, – Объясните это Шане и Тонго.

– Я солдат, а вы – нет. Посылая солдат в бой, вы не желаете, чтобы их отвлекали субъективные факторы. Вроде того, что они должны делать, а что нет. Солдаты существуют, чтобы убивать. И вам хочется, чтобы они делали свое дело без колебаний. Так что, если усилительный контур не только фокусирует и удерживает их внимание, не давая усталости сказываться на нем, но и усиливает их агрессию... то это превосходно.

Она задохнулась:

– Вы... вы что, это серьезно? Да как может это быть превосходным?

Пауэрс насмешливо фыркнул.

– Да ладно вам, подумайте сами. Мы, знаете ли, не обезьяны. Вспомните Кинкейда, вспомните, как подскочили его показатели? Насколько лучше он стал? Вот это – солдат. Теперь осталось узнать, как держать все это под контролем, и дело сделано.

– Нет. – Кэролайн встала, сверля его взглядом, – Я не согласна. Но поскольку не я директор проекта, а Гбарлеман, я добьюсь, чтобы это он принял это решение. И я доберусь до него, даже если для этого мне потребуется проломить себе дорогу в чей-то там генеральский кабинет. В худшем случае они меня максимум пристрелят. Так что, или вы идете со мной, или нет.

Он смотрел на нее несколько долгих секунд. Она не имела ним алейшего понятия, о чем он думал. Бесстрастное выражение сковало его черты. Наконец он встал на ноги.

– Хорошо, я иду с вами. Гбарлеман должен услышать обе стороны. Таким образом никто не станет паниковать.

На кончике ее языка вертелась фразочка про «прикрытие собственной задницы», но она сдержалась. Вместо этого она заметила:

– Мы не узнаем ничего определено, пока не прогоним все тесты.

– И это чертовски хорошо, – он глянул на нее. – Между прочим, я не извиняюсь за то, что думаю так, думаю. Если бы вы были на моем месте, вы думали бы точно также. С моей профессиональной точки зрения – это прорыв.

– Ммм... – она упорно смотрела в сторону, – Ну, тогда, слава богу, что я не на нем.

– И *вив ля дифференс*, – сказал он, абсолютно серьезно. – Едем в центр связи. Вы за рулем.

Они вышли из лаборатории. Никто из них не произнес не слова, когда они огибали комплекс. Солнце пряталось за облаками. В воздухе обледал металлическим привкусом и был столь холоден, что носом было больно дышать.

Уже у ее машины, Пауэрс хлопнул себя по лбу.

– Черт, я забыл свою куртку. Послушайте, заводите пока машину, просто подождите меня. Я сейчас вернусь.

Кэролайн не нужно было подбадривать. Она сгорбилась, обхватив себя руками, протрусила до машины, щелкнув дистанционкой, разблокировала двери. Когда она дернула дверь с водительской стороны, ручка подалась с трудом, а петли закрипели. Рухнув внутрь, она захлопнула дверь. Виниловые чехлы задубели. Повернувшись вбок, она сунула руку за пассажирское кресло. Уголок ее бараньей меховой куртки был под ее пистолетным футляром, по прежнему покоившемуся где его она бросила. Выхватив ее, она быстро принялась ее натягивать, борясь с непослушной кожей. Та похрустывала.

– Тепло-о, – простучала она зубами, заводя двигатель, и стуча по

кнопкам, – Тепло, тепло, тепло. – Холодный воздух дунул ей прямо в лицо, и она заклинила рычажок, послав ледящийся поток к ее лодыжкам, и без того уже дрожащим. Включив обогреватели на полную, она подождала несколько минут, наблюдая, как ее дыхание превращается в снежинки и опадает. Несколькими минутами позже она начала уже было терять терпение, но тут Пауэрс прибрел вновь, в этот раз с велосипедом в руке. Стукнув в заднее ее стекло, он жестом показал, ей что хочет положить велосипед в багажник. Разблокировав его рычажком, она смотрела, как он снял переднее колесо, сложил велосипед пополам и убрал его внутрь, резко захлопнул багажник.

– Извините, – сказал он, открыв дверь пассажирского сиденья, приличных размеров порция холода вошла вместе с ним. Шлепнувшись на сиденье, он захлопнул дверь. – Чуть задержался, выключая один из компьютеров.

– Да? – она вырubiла тормоз, включила задний ход, выкатилась со стоянки, после чего подала рычаг скоростей вперед. Перчатки ее оставались сзади, и ей отчаянно хотелось, чтобы она вспомнила о них раньше. Руль был холодным до жути, словно выточенным из цельного куска льда. – А я думала, что выключила их все...

– Ну, похоже нет, – сказал Пауэрс, пристегиваясь ремнем, – Брр, как же холодно, Кинкейд, с остальными, должно быть вообще дубу дает, в своем этом Вайоминге.

– Вайоминге? – Нахмурившись, Кэролайн искоса глянула на Пауэрс, прежде чем устремить все свое внимание вперед, останавливаясь перед знаком в конце выезда. Включив правый поворотник, она повернула голову влево, проверяя движение, – Мне казалось, что вы понятия не имеете, где они сейчас.

– Да?

Она снова глянула на него:

– Да.

Выражение его лица вновь стало нечитаемым.

– Мммм... – затем, мотнув головой, словно показывая на что-то слева от нее, он заметил, – Джип приближается.

Повернувшись назад, она засекла его, – Не мешает.

– Но вы же хотели свернуть налево.

Она повернулась, вновь глянуть на него, – Нет, центр связи... – начала было она. И умолкла.

Кэролайн Флетчер за свою жизнь повидала более чем достаточно пулевого оружия, и более чем несколько лазеров. Ей вообще нравилось стрелять. Так что она опознала оружие как лазерный пистолет, стандартный армейский ручной лазер, могущий переключаться с одиночного на непрерывный режим импульсов, в зависимости от того, желал ли Пауэрс получить дырку или прожечь полосу поперек ее груди.

– Нет, – любезно сказал Пауэрс, – Вы хотели свернуть налево.

*На пути к Каньону Смерти**24 декабря 2438 года**13:30*

Наблюдение за реакцией Аманды сквозь прицел – ужас ее, смешанный с неверием, и поверх этого всего сосредоточенный обсчет ситуации – наполняло его определенной долей гордости. Да, это была та Аманда, хорошо знакомая ему, надежный ведомый, превосходный солдат. Она повернулась на север, поскольку он вбил нож по рукоять, и достаточно далеко от тел, чтобы ей пришлось глянуть вперед. Солнце пронзило ее копну огненно-рыжих волос, заставив их гореть, словно начищенную медь. Металлический отблеск в ее руке – жетоны. И затем он увидел, как она изучает черный торец ножа, замечает инициалы, – и на этом месте голова ее взлетает вверх, и она, кажется, устремляет взгляд прямо на него.

Выдохнув, он поместил перекрестье прицела прямо над ее сердцем. Подождал очередного удара пульса. И нажал курок.

Аманда почувствовала пулю еще до того, как услышала выстрел. Ослепительный удар боли, когда пуля провралась сквозь униформу, затем кожу, мускулы и вены ее левого бедра, прежде чем полететь дальше. И затем боль, казалось, взорвалась, когда вылетая, пуля вышибла наружу кусок мяса с кожей, а также изрядное количество крови и рваных нитей ее одежды.

Она вскрикнула. Колени ее сложились, и она рухнула, болезненно, на правый бок. Уже когда она падала, звук выстрела, резкий и отрывистый, хлопнул по ее ушам и отпрыгнул прочь, эхом отражаясь среди холмов, звук, слышимый за километры.

Но сколь бы не было ей больно, инстинкты и тренировки заставили ее действовать. Дернувшись, она откатилась вправо, скрывшись за ближайшей сосной. Она так и осталась лежать на животе, с головой, опущенной вниз. Нет смысла подыматься и выглядывать, у нее все равно нет оружия, стоящего подобной попытки. Она вслушивалась в ожидании второго выстрела, но, впрочем, так ничего и не услышала, помимо ударов сердца, эхом отдававшихся в ушах. Чуть придержала дыхание на секунду. Все еще ничего. Левое ее бедро горело от боли. Она вся взмокла от шока, живот ее связался узлом.

Полегче, ты не можешь позволить себе проиграть, держись...

Когда минутой позже так ничего и не произошло, она с трудом села, спиной к дереву. Жетоны и КА-BAR Кинкейда так и оставались у нее.

Убрав жетоны под парку, она положила *КА-BAR* справа от себя. Скинув перчатки, она по быстрому осмотрела рану. Кожа качнулась под пальцами и волна дурноты окатила ее, оставляя горько-кислый привкус. Пуля прошла насквозь, по наружной стороне бедра. Общий объем повреждений зависел от того, была ли ее оболочка цельнометаллической или нет, насколько быстро она вращалась и не была ли надсечена. Ничего конкретного на это счет она сказать не могла, но входное отверстие было небольшим и вдавленным, ткань ее штанов ушла вслед за пулей в рану. Выходной раны она увидеть не могла. Пальцы ее оттуда вернулись все в крови, но фонтана крови или пульсирующего ее истечения она не почувствовала. Это было хорошо. Нащупав пряжку, она вытянула ремень из штанов, протянула его под бедром и затянула накрепко прямо над раной. Кровь по-прежнему будет течь, но это купит ей немного времени.

Высокая скорость, уйма кинетической энергии, снайперский выстрел, что-то с довольно длинным стволом. Мак 2176, может Ругер-Баррет RLR 7000, и довольно далеко отсюда. Так и не услышала выстрел, пока не была подстрелена.

Это, в свою очередь, означало и кое-что еще. Два кое-что, если точнее. На такой дистанции снайпер должен был иметь оптический прицел. Если у него был прицел, он знал, куда целиться и куда попадет. Единственный способ подстрелить ее на такой дистанции был целиться выше – сильно, на уровне сердца или выше. Ну, или он был хреновый стрелок. Впрочем, ей не казалось, что это было так. Так что он хотел ранить, а не убить.

Походило на то, что он играл с нею. С нею лично. Он не играл с парнями, сидевшими у палатки, и она готова была поспорить, что Хакетт и Джеймс также умерли быстро. Так что это значило лишь одно – снайпер был кем-то, кого она хорошо знала.

Во вселенной наберется много неплохих снайперов. Но, насколько она понимала, лишь один из них сейчас имел для нее значение. Она не могла в это поверить, но другой альтернативы у нее не было. И тогда она вспомнила о учебном лазере, щелкнув тумблером, она осторожно омела северную сторону.

Блок «свой-чужой» библикнул и она глянула на него. И мир ее рухнул. Кинкейд.

Он мог видеть край ее парки и складку капюшона. Он думал уже было выстрелить вновь, но все же дал ей несколько минут на обдумывание ситуации и осознание всех ее деталей. Выстрел его был превос-

ходен. Мышка была нужна ему живой. Столь же уверен он был и в том, что вскоре она отправится дальше. Она не могла себе позволить сидеть на месте.

И она его не разочаровала. После, ну, где-то секунд девяноста, он увидел, как она, опершись о дерево, встает. Ее качало, кренило, через прицел он видел, как белы костяшки ее пальцев, как туго обтягивала их кожа, когда она цеплялась за дерево. Затем она оттолкнулась от него, нагибаясь так низко, как только могла, походка ее был шаткой и ноги она подымала с трудом.

Превосходно. Закинув винтовку за спину, он соскользнул с дерева и потрусил прочь, собираясь выйти ей справа. Он также счел, что мог бы периодически направлять ее выстрелами туда, куда он хотел, чтобы она шла.

Беги, мышка, беги. - он двигался размашистым шагом и чувствовал себя так хорошо, как ему не было вот уже года три, - *Беги.*

Полигон Якима, Терра

24 декабря 2438 года

14:00

В молчании они двигались на северо-восток, Пауэрс продолжал сидеть, держа лазер под приборной панелью, нацеленным ей в живот. Хребет Манасташ был севернее и на запад, отроги Седловых гор прямо перед ними. Кэролайн знала, что земли полигона раскинулись на большом пространстве, почти тринадцать сотен квадратных километров холмистой, серовато-коричневой, степи, поросшей кустами чапаралы, огороженных голыми базальтовыми обрывами реки Якима за западе и Колумбией прямо впереди. Если захочет, Пауэрс может убить ее прямо посреди этой всей пустоты и выкинуть ее тело где ему заблагорассудится.

И ему даже и не потребуется машина, поскольку чертова хладнокровная сволочь загрузила в багажник свой чертов велосипед.

Затем она вспомнила о своем PG-90, принявшись гадать, не сможет ли она тихонько просунуть руку назад, открыть футляр и выхватить пистолет. Дверь практически прижималась к сиденью, но, возможно, она смола бы сделать это. Он подождала немного, затем позволила левой руке упасть на колени, подождала секунду-две, чтобы положить ее на сиденье...

– Нет-нет-нет, – отозвался Пауэрс, – Не надо, я сам его заберу. – удерживая пистолет тренированной рукой, он вытянул длинную свою руку за ее заголовник, и дотянувшись, вернул ее уже с ее коробкой. – Вы это искали? Не волнуйтесь, скоро мы им воспользуемся. А пока – обе руки на руль.

– Что значит «мы»? – когда он не ответил, она глянула вправо. – Не хотите все объяснить? Это не может быть только из-за этого чертова усилительного контура.

– Не так, как вы думаете, – отозвался он. Тон его голос не был ни враждебным, ни дружелюбным. Просто тон. – Смотрите на дорогу, пожалуйста. Мы же не хотим попасть в аварию.

Она сделал как ей было сказано. – Вернувшись, вы стерли все мои данные, не так ли? – подозрение, не больше, но имеющее смысл с учетом его возражений, затем попыток заставить ее отложить разбирательства, а когда у него это не получилось, желания устранить данные, и ее саму. – Чего я не могу понять, так это почему.

– Не волнуйтесь так на это счет. Давайте лучше поговорим о вас самой. Вы знаете, что у вас обострившаяся депрессия?

– Что?

– Одинокая симпатичная женщина, одна на базе под Рождество. Ни парня, ни семьи, ни друзей. Звучит депрессивно. Думаете, что хоть кто-нибудь сочтет это странным, когда я расскажу о том, как вам было

плохо, и как подавлено вы выглядели? Одинокая, расстроенная из-за Джека? Мы поговорили с вами об оружии, и вы сказали, что собираетесь съездить пострелять из своего *PG-90*, а когда я предложил поехать с вами, вы отказались, и теперь я чувствую себя виноватым... ну, вы понимаете, к чему я...

– Праздничная депрессия? Что, я возьму и пристрелю себя под Рождество?

– Нет, это я вас пристрелю. Вся эта история, лишь прикрытие.

– Почему вы делаете все это?

Пауза. И затем:

– Извините. Я не могу вам этого сказать. Ведите машину.

Она умолкла. Она вела машину. Она смотрела за тем, как дорога разматывалась перед нею, подобно широкой черной ленте и гадала, что, черт возьми, ей делать. Ее пугала одна и та же мысль, что заиклившись, все прокручивалась в ее голове *У него пистолет; он забрал мой PG-90; все, что я могу, это вести машину...*

Они были на том отрезке дороги, что плавной дугой изгибается к югу в сторону Норт Форк Луммума Крик. Ручей был справа от нее, а впереди она видела как дорога заканчивается, утыкаясь в другую, идущую с юга на север.

Все, что я могу, это вести машину...

Осторожно, она скосила глаза направо. Ручей был покрыт льдом, берега резко обрывались вниз, образуя что-то вроде трубы, общей шириной где-то метров десять и не очень-то глубоко. Ей было еще полкилометра, по ее прикидкам, прежде чем дорога сменит направление.

Все, что я могу, это... ВЕСТИ машину...

– Прямо вперед, до конца, а затем направо, – сообщил Пауэрс.

– Угу, – отозвалась она. И затем, прежде даже, чем она смогла уговорить себя на подобное безумство, она рванула руль вправо, врезав ногой по педали газа.

Много чего произошло менее чем за одну секунду. Визг шин, стирающихся об асфальт и затем скрежет гравия, когда машина слетела с дороги. Голова ее закружилась от резкого заноса, синее небо и коричневая трава пронеслись перед стеклом, ремень безопасности врезался ей в грудь и живот. Неожиданный рывок снес Пауэрс влево, он успел испуганно вскрикнуть, и Кэролайн, кажется, увидела, как руки его мотнулись, лазер рванулся вправо. Коробка-футляр *PG-90*, врезалась об его колени, рухнула под ноги и раскрылась. Пальцы Кэролайн аж зачесались от желания схватить пистолет, но она не отпускала педали газа, и вот уже и ручей, и черный пролом, и затем передние колеса машины оказались в воздухе, их словно катапультировало вперед; падение, удар – машина скрежещет, тараня лед и мерзлую землю. Она почувствовала как ее рвануло вперед, когда машина резко остановилась; с хлопком спасательная подушка водительского сиденья вылетела наружу. При-

вязной ремень зажало в упряжи, он так туго врезался в нее, что синяки, скорее всего останутся как минимум месяц, Лицо ее врезалось в подушку, а затем отскочило, как шайба от бортика в резком ударе. Удар ошеломил ее, звездочки летали вокруг, шея трещала, но она боролась, яростно, сражаясь со своим телом, жаждая крови. Пауэрс также был расплюсчен подушкой, и он потерял свой лазерный пистолет, улетевший на заднее сиденье.

Мешки только принялись сдуваться, а она уже была готова к этому. Отстегнув ремень, она ринулась вперед, отпихнула полусдвинувшуюся пассажирскую подушку вбок и потянулась к PG-90. Но он уже был там, его колени пихали ее вниз и вперед. Ее руки были зажаты ими, она была припечатана к бардачку, рычаг коробки передач вдавливался ей в живот. Он не мог одновременно держать ее и хватать пистолет, но и она не могла ухватить его. Так что она крутнулась вбок, увидела прямо перед собой обтянутую нейлоном ногу и укусила ее, сильно.

Вкус мокрого нейлона и соленой крови заполнил ее рот, когда зубы ее прорвали его кожу. Заорав от боли, Пауэрс дернулся в сторону, и пальцы ее коснулись холодного металла, PG-90, был в ее левой руке и она дернулась назад, зная, что ей нужно выбраться из этого тесного пространства как можно быстрее, или он обберет у нее пистолет...

Перекинув пистолет из левой руки в правую, она одновременно принялась искать ручку двери. Но пальцы ее лишь напрасно скользнули по пластику, а затем было слишком поздно, поскольку лицо Пауэрса исказила ярость, и он ринулся к ней.

Так что она застрелила его.

Каньон Смерти
24 декабря 2438 года
16:30

Солнце скатывалось вниз прямо перед нею, и желтые лучи его красили скалы в бронзу, непереносимо яркую. И силы и время ее были на исходе. Она была близка к цели, каньон был прямо перед нею. И что тогда? Голова ее кружилась, ее морозило. Угловатый учебный лазер бился о правое бедро. Левая ее нога была одним цельным сгустком боли, ударами посылая боль, да к тому же, со всей этой ходьбой, продолжала кровоточить. Вся левая ее штанина была черной, и пахла не самым лучшим образом, она чувствовала, как кровь пропитывает ее носок. Ботинок ее уже хлюпал.

Он ее гнал. Она знала это, осознала, когда попыталась сделать петлю, чтобы спрятаться где-нибудь в окрестностях озера Фелпс. У нее имелось полуоформившееся желание прошмыгнуть назад к палаткам поискового отряда, порыться в их рационах, позаимствовать скатку, может быть, найти рацию. Но каждый раз, когда она отклонялась в сторону, раздавался хлопок винтовки, и кусок коры отлетал с ближайшего дерева под визг пули. Тот факт, что время между ними все сокращалось, означал, что он подбирается все ближе, что было не так уж и трудно, поскольку у Кинкейда были две здоровых ноги.

Но как он смог протащить винтовку? Он хорош, но не настолько...

Она думала насчет того, чтобы бросит ему вызов, заставить Кинкейда показаться ей. Он не был готов ее убить, еще нет. Чем больше она об этом думала, тем больше ей казалось, что он хотел оставить ее в живых. Но почему? Ее мозг бился над этой задачей, потому что что-то в этом всем было не так. Кинкейд, с чего бы *Кинкейду*...

Озарение полыхнуло в ее голове – солдаты, усаженные в линию, спиной к их палатке, с шеями, украшенными кровавыми горжетками... Что-то здесь было не то, но что? Нет, не пулевые отверстия. И не одежда. Их шеи, да; что-то с ними не то... Она глянула на свой нож, и ответ сам прыгнул ей в голову.

Ну конечно же, конечно. Это единственное объяснение.

Крутнувшись назад, она глянула вдаль по проходу, и засекла его – черное пятнышко, становящееся все крупнее. Она попыталась использовать свой прицел, но ее слишком трясло от усталости и кровопотери, картинка просто расплывалась в окуляре, и она сдалась. Вместо этого она принялась ждать, не уверенная, что же будет делать, когда он доберется до нее. Но она с этим справится.

Потому что теперь она кое-что знала. Кое-что.

Когда она перестала двигаться, полковник тут же оказался в затруднении. Новое беспокойство – новая морщинка, а ему не нравились морщинки. Это было очень важно – чтобы она добралась до края каньона. Было важно, чтобы она не пропустила снег, потому как он не думал, что у них будет так уж много времени. Но когда она остановилась, он прильнул к прицелу своего «Баррета», увидел ее волосы, прилипшие к взмокшему лицу, и темные тени под провалами этих глаз.

Увидел ее движения ее губ, складывающиеся в слова, *Иди-ка сюда сам, говнюк.*

Ну-ну. Когда он подошел к ней метра на три, он был здорово разочарован, не увидав на ее лице ни шока, и ужаса. Ужас он бы еще понял. Фактически ужас он бы и предпочел. Но она лишь кивнула, торжествуя, словно выиграв какой-то спор сама у себя.

Затем она заметила:

– Вам стоит лучше выполнять свои домашние задания... полковник? Или же *сан-шао*?

Превосходный психологический прием: – оставь первое слово за собой, огорошь вопросом, прояви превосходство. Превосходный тренаж – вызов, решимость. Упорство даже в безнадежной ситуации.

– Полковник вполне подойдет, хотя акцент довольно небольшой.

– Я присутствовала на ряде пост-брифингов после Тибальта. – глаза ее обшарили его с головы до пят, и он ощутил, как он вновь впился, жгучий как луч лазера, на растянутом, лоснящемся шраме, изгибавшемся подобно скимитару от левой его брови до правой челюсти, прежде чем нырнуть вниз по шее под воротник его парки. Лишь он знал, что шрам продолжается и дальше, вплоть до сердца, разбегаясь во все стороны, подобно паутине. Он отказался от пластической хирургии. Пускай тело его само будет свидетельством.

Так что он знал, что она видит – рубец, розовый словно кожаца новорожденной крысы, и оттягивавший левый уголок его рта, так, что губы его всегда были чуть разошедшимися с этой стороны, со струйкой слюны, вечно текшей оттуда. Ожоги стерли его левую бровь и поры кожи, а нос его был обрезан так, что ноздри его напоминали две черные дыры, выделяясь словно норы песчаной гадюки. Левый его глаз сварился не хуже яйца, и орбита взорвалась. Он не видел необходимости в наглазной повязке, так что левая глазница представляла собой иссохший розовый кратер.

Затем она заметила. – Вы определенно компенсировали утрату левого глаза. В стрельбе, я имею в виду.

– Похоже. Оценка дистанции была немного проблематичной, но я наловчился. Все равно для стрельбы нужен лишь один хороший глаз. – чуть склонив голову набок, он принялся изучать выражение ее лица. – Так ты все поняла. Как?

– Вначале нет. Но потом я припомнила тех солдат. – Она мотнула

головой в сторону «Баррета», свисавшего на ремне с его правого плеча. – Кинкейд левша. Левша не резал бы им глотки от левого уха, но вы резали их сразу же после того, как рассадили, и стояли сзади. Разрез глубже под левым ухом и сходит на нет справа. Левша в жизни бы подобного не смог. Но вы смутили меня на некоторое время. Так что... – сделала она паузу, – ...где Кинкейд? Вы убили его, не так ли?

Он ответил ей взмахом винтовки, впрочем, оставаясь подальше от пределов ее досягаемости. Может она и была ранена, да, он знал, что силы почти оставили ее, но она была достойным противником, более чем доказавшим свою отвагу в бою.

– Там, наверху, над Каньоном Смерти.

– Я задала вам вопрос.

– А я не готов на него отвечать, и ты не в том положении, чтобы спорить.

В ответ она поизучала его взглядом, немного, после чего неловко опустила на землю, благодаря раненой ноге.

– Я никуда не пойду. И не думаю, что вы пристрелите меня здесь. Я нужна вам живой и наверху. Интересно с чего бы? Это что, месть?

Он ухмыльнулся, неловко, благодаря своему шраму. По своему опыту он знал, эффект был упыриный.

– Ты – соус. Э-э... как бы это сказать? Моя награда? Жду не дождусь этого. На тебя у меня особые планы. Но ты не рождественская индюшка.

– Тогда кто индюшка? – поинтересовалась она, не меняя выражения, хотя он заметил как уголки глаз ее сузились, и знал, разумеется, что она знала, но не могла этого сказать, поскольку прототип боевой машины должен был быть секретным. С чего же еще убивать ее пилотов?

Он уже собирался ответить ей, как вдруг услышал... что-то не то. Взрывы. Нет. Гром? Он видел, что и она услышала это, и тогда он повернулся налево, прямо на север. Звук это донесся до него вновь, более четким, и в это раз он узнал его, низкий, ритмичный чоп-чоп-чоп вертолета, большого, судя по звуку, возможно «Дезерт Кобра» или «Ред-хок» огневой поддержки, войск Гегемонии.

Что-то они рано. Как? Кто их предупредил?

Но все равно, слишком далеко, чтобы представлять угрозу. Он напрягся, желая увидеть, направится ли он прямо к ним, или купится на приманки, расположенные им по пути. Ждем. ждем... и он выдохнул, расслабившись, когда звук утих. Но он знал, что тот еще вернется.

Глянув вниз, он увидел изумрудно-зеленые глаза лучащиеся триумфом. – Похоже, времени у вас осталось немного.

– Нет, – сказал полковник. Он крутнулся, нога его в ботинке описала полукруг в развороте, впечатавшись ей в правый висок. Жестоко, но эффективно. Голова ее отлетела влево, и она повалилась навзничь, не издав ни звука. Он подождал немного, встав на колени, проверяя пальцами пульс на ее шее – нитевидный, но стабильный. Так близко,

касаясь ее... соблазн мучил его. Но вместо этого он закинул винтовку за спину, наклонился, схватил ее за обмякшие запястья, после чего закинул на свое левое плечо. Ее учебный лазер сполз набок, лямка застряла между его спиной и ее грудью. Он была легче, чем он ожидал. Это было хорошо, поскольку ему оставалось еще не меньше километра, а то и двух.

Вертолет – это было нехорошо. Он появился слишком рано, и это означало, что что-то... пошло не так. Бросив взгляд влево, на расширяющийся выступ, ведущий вверх в нескольких сотнях метров, он убыстрил шаг. Ему не хотелось чтобы вертолет нашел их до того, как он закончит – с ними обоими.

И с Амандой и с Кинкейдом.

Кинкейд побывал в передрягах. Истребитель в плоском штопоре, он, с капелланцем, в драке на ножах, причем в тесной телефонной будке, – все это было хреново. Битва за Тибальт – гораздо хреновей. Но ситуация, в которой он пребывал сейчас, была хуже чем просто хреновой. Сама ситуация – капелланцы в Гегемонии, капелланцы, просочившиеся на Терру, да еще и на одну из наиболее секретных баз Терры – черт, да это было, считай, на грани катастрофы.

У Кинкейда было четыре дня наслаждения капелланским гостеприимством на то, чтобы оценить, и даже переоценить, ситуацию. Три дня назад, когда они подстрелили его, и затем он очнулся в тот момент, как грубые руки неловко расстегнули его парку и сорвали жетоны с его шеи, он из первых рук получил возможность оценить, насколько действительно, нет, *действительно*, плоха была сложившаяся ситуация. Они могли убить его, да и должны были. Но он понял, – в тот же момент, как увидел полковника и розовую путаницу шрамов вместо левого глаза, – что они держат его в живых по очень особому поводу.

– Я позволю тебе жить, пока, – прошипел полковник, так близко, что Кинкейд почувствовал капельки его брызгавшей слюны у себя на лице. Лицо его было багровым от ярости, губы кривились, полковник держал его, стиснув в кулаке ворот его футболки, выкрутив ее до тех пор, пока Кинкейд не начал хватать ртом воздух. – Ты будешь жить, – сказал он, и Кинкейд задержался, чувствуя как кровь барабанит в его ушах, как легкие его горят, – пока я не найду ее, и затем я буду наслаждаться, зная что ты смотришь на меня, с *ней*. Затее мя позволю тебе увидеть, как она умрет, но я буду делать это медленно, пока ты не начнешь умолять меня положить конец ее агонии, и затем ты познаешь страдание в полной мере, также как страдал и я, смотря на свою *жену*!

Полковник отпустил Кинкейда, и когда тот повалился, хватая ртом воздух, тот вlepил зверский пинок в раненый левый бок Кинкейда. Он смеялся, когда Кинкейд давясь, заорал. Затем полковник ушел.

Одно было ясно – мужик полностью свихнулся. Кинкейд подозревал, что его подручные знали это тоже. Но они дорожили своими жизнями. Или, может быть, надеялись дотянуть до перевода.

Их было двое – один из них, добренький, ну, для капеллана, и вероятно из «Маскировки», возможно. Второй отличался довольно мрачной мордой, также из «Маскировки», гораздо более соответствовавший ожиданиям. Они хранили его до времени в живых. Тот, добренький, обработал его рану, разодрав пропитанную кровью форму, термобелье и футболку Кинкейда, как промокшую оберточную упаковку. Пуля проделала дыру прямо над левым бедром Кинкейда. Добренький прочистил рану, выудив из нее красно-черный кусок окровавленной ткани. От этого всего крови потекло еще больше, но, по крайней мере, она не пульсировала. Выходное отверстие на его спине было размером, примерно, в пол его кулака. Кинкейд попытался вспомнить, не находится ли там чего жизненно важного, но голова его была как в тумане, а еще ему казалось, что кто-то забавы ради, протыкает его насквозь раскаленной докрасна кочергой. Затем добренький заставил его заглотить пару таблеток, побуждая его к этому рабочим концом лазерного пистолета. Одна из них была явно болеутоляющим, уплыв в туман, он в нем и пробыл большую часть дня.

Должно быть именно тогда они перенесли его, поскольку когда он очнулся посреди ночи, он почувствовал холод камня, просачивающийся сквозь скатку, запах сырости, а когда потянулся рукой, то нащупал ею мокрый камень, окончательно убедившись – пещера. Оглядеться по сторонам не получилось, он все еще был под воздействием лекарств, но он смог увидеть оранжевое свечение сигаретного огонька, где-то, казалось с тысячах метров отсюда, но скорее всего, менее чем в пятидесяти.

Очнувшись утром, он чувствовал себя уже достаточно уверенно, чтобы осмотреться. Свет падал от входа справа от него, растекаясь по камню приглушенным серым поблескиванием. Пещера была не особо большой. Возможно, где-то тридцать на пятнадцать метров, формой, словно дыра от пули, изрядно рыскавшей – узкий вход, но достаточно высокий, чтобы человек мог, сгорбившись, пройти внутрь. Затем отрезок, где пещера шла вверх, и затем крыша резко взмывала ввысь, и посреди человек мог стоять и передвигаться без проблем. Затем снова сужение, и пещера сходила на нет, образуя тупик, в котором он и лежал.

В тот день боль, испытывавшаяся им, была настолько жуткой, что он старался особо не шевелиться. Большую часть времени он провел в наблюдении, и пятью минутами позже пришел к выводу, что мог бы сделать обоих без проблем. Вопрос был когда и как, плюс, к тому же,

для этого он должен быть здоровее. Одно он знал уж точно – со временем, если подождать достаточно, все расслабляются и теряют бдительность. Он заметил свой учебный лазер, стоявший прислоненным к дальней левой стене самого широкого места пещеры. Помимо этого он старался не думать об Аманде, поскольку каждый раз, как он представлял полковника, трогающего ее, его пробивал озноб, и реалии, бывшие против них, начинали казаться... не безнадежными. Всего лишь сомнительными, побуждающими к действию. Так что он отгонял от себя эти мысли, старался не думать о них. Он не добьется ничего вообще, если примется паниковать.

Но кто же был крысой? Вот это уж точно грызло его. Невозможно сообразить, кто именно, но из очень узкого круга и достаточно высокопоставленный: учения были засекречены, да и сам проект был одним большим секретом. Ну да, уйма людей принимала в нем участие, и было проблематично учесть их всех. Но учитывая то, что капелланцы знали кто именно будет вероятными пилотами «Маки», и, что более важно, где их найти... это здорово сужало интервал.

Кто-то из руководства, или же один из директоров проекта, кто-то имеющий дело с нами на постоянной основе, кто-то не возражающий против провала Гегемонии и того что нас всех, и еще чуток народу за компанию поубивают...

На день второй произошло два значительных изменения. Первое – они сковали руки ему за спиной. Симпатичными такими блестящими наручниками – и ключи от них имелись и у добренького и у Мрачной Морды. Второе – добренький побудил его встать и прогуляться наружу. И это отнюдь не только из заботы, чтоб кровяные сгустки не запеклись в его легких. Снаружи было холодно, так что вентиляция в пещере была никакой, а периодические «походы по малому» Кинкейда в отведенный под это сосуд, обеспечили пещеру соответствующим ароматом. Кинкейд сделал из всего этого то еще представление, с нерешительностью и передвижением черепашим темпом, как раз достаточно, чтобы Мрачная Морда потерял терпение, принялся жаловаться на вонь и ворчать, как же ему жутко хочется курить.

Жерло пещеры выходило на полку в скале примерно двух метров шириной. Каменистая, пополам с грязью, тропа, по оценке Кинкейда, уходила извивами на девять сотен метров к северу и затем на восток, к краю Каньона. Тропа не была особо крутой, но Кинкейд двигался медленно, не из-за боли, но желая получше рассмотреть местность. Они были в Каньоне Смерти, это он знал, отвесные клыки Тетонов, увенчанные облаками были видны к северу и чуть к востоку, а глядя на запад он мог видеть провал каньона. Рация была соблазнительно рядом, но он логично предположил, что раз уж они знали о нем и всех остальных, то наверняка знали и о рации. На полпути вверх по тропе они прошли мимо спутанных зарослей высохшей полыни, торчащей из

стен каньона, и темных извивов корней ели Дугласа, похожих на узловатые черные пальцы. Глядя вверх, Кинкейд мог видеть клочки сухой травы, свисающей с краев каньона, заплатами мха.

Поскольку они сковали его, ему пришлось обращать особое внимание под ноги. Камни были скользкими. Кинкейд видел, что добренький по-прежнему сжимает в руке лазерный пистолет. Мрачная Морда подталкивал его в спину своим пульс-лазером. Стоило им отойти достаточно далеко от пещеры, как Мрачная Морда отступил назад, выжидаяще глядя на него.

Все еще закованный, Кинкейд заглянул за край, затем вновь назад. Сделал паузу, для пушного эффекта.

– Только потрясите его потом, как следует, как я закончу, хорошо?

Добренький захохотал, а Мрачная Морда аж полиловел. Кинкейд продолжал хранить нейтральную мину, и затем Мрачная Морда разомкнул наручники. Кинкейд расстегнул ширинку, сделал свое дело, чутко потряс, для надежности, и вновь привел себя в порядок. Они вновь заковали его и все группой направились назад.

К середине дня третьего он уловил общий их распорядок. Во первых – они связывались с полковником три раза в день. Рации, никаких диалогов, лишь кодовые фразы, неразборчивые из-за статики. Плохо. Это означало, что ему придется сделать обоих, почти в одно и то же время, и между радиоконтактами. Плюс, по тому, как эти двое ухмылялись после вечернего сеанса, он заключил, что дела у его стороны обстояли не очень хорошо.

Это также означало, что полковник был зверски эффективен. Знал куда идти и кто будет там. Так что да, кто-то внутри, и кто-то в верхушке проекта. Тот факт, что у полковника были его жетоны и он был в парке, означал, что он может играть по установленным правилам, наверняка одурачив всех, счевших его за Кинкейда. *Должно быть позволил отрядом себя выследить.* Эффект, получаемый подставкой себя под луч учебного лазера, отнюдь не выводит человека из строя, но довольно неприятен, так что полковник, должно быть, носит под одеждой какого-то рода непроводящее облачение под паркой, и Кинкейд знал из первых рук, что стрелок он превосходный. Так что дела их были печальными.

Второй пункт, стоящий того, чтоб его отметить – у добренького был лишь лазерный пистолет, Мрачная Морда же таскал и ручной лазер и лазерную пульс-винтовку, при этом ни один из них другому особо не нравился. Это было хорошо. Фактически, Кинкейд не думал, что добренького отрядили свыше на это задание вообще – странное дело для «Маскировки», но может быть это псих-полковник не оставил ему выбора, и это было еще лучше. К примеру он был слишком уж... ну-у, добренький, было не совсем подходящим словом. Гуманным, скорее, относившимся к Кинкейду как, к примеру, к подобранной на улице бездомной дворняжке. Кинкейд попросил болеутоляющих – добрень-

кий выдал их. Но он допустил промашку, поскольку был просто из «Маскировки», а не компетентным медиком. Не проверял полость рта Кинкейда, не сидел рядом, дожидаясь, чтобы болеутоляющее, на тот случай если Кинкейд держит его во рту, рассосалось. Зря. На третий день Кинкейд обладал запасом, могущим свалить и слона, средних размеров. Но зато теперь у него был повод сутками валяться колодой, изображая забытье. Он шатался как мог, запинаясь, когда они водили его до ветру, или же когда добренький говорил, что ему стоит прогуляться. (Вообще-то частью это было вовсе не игрой, рана болела жутко). Он даже и не думал, чтобы забросить чуток им в кофе, или еще чего-нибудь кретинское, в этом же духе. Брошенная в кофе, она сделает его на вкус похожим на электролит. Брошенная во что-либо еще, вместо кофе – на вкус будет чистым ядом и вонять как раздавленная пивная банка. Но он продолжал играть в отупевший полутруп.

Мрачная Морда гуманным не был. Он был «Маскировкой», любившим действие. Или же у него был ПМС. Раздражительный до жути. Непрерывно ворчал. Мрачно зыркал, каждый раз, как добренький менял повязки. Держал винтовку направленной всегда в нужную сторону. Устраивал сцену, каждый раз, как Кинкейда нужно было вывести до ветру. И смолил сигареты одну за одной.

На день четвертый добренького и Мрачную Морду уже буквально тошнило от вида друг от друга. Мрачные взгляды летали взад вперед, Мрачная Морда дымил как паровоз. Бегал на перекур каждые пять минут, садился у входа в пещеру, с винтовкой на коленях. Полковник выходил в этот день на связь лишь утром, но дневной сеанс пропустил, и напряжение буквально висело в воздухе. Кинкейд двигался уже поувереннее, но слабость по-прежнему оставалась. День выдался солнечным, зев пещеры так и светился, молочным туманом. К середине дня солнце достаточно нагрело каньон, чтобы выдать в итоге небольшой ветерок.

Примерно посреди дня Кинкейд услышал винтовочный выстрел. Дергаться он не стал, но был несколько этим обеспокоен. Затем, каждый раз с изрядной паузой, еще несколько выстрелов. Через неровные промежутки времени, каждый раз все ближе. Добренький и Мрачная Морда обменялись взглядами.

Затем они услышали вертолет. Кинкейд услышал лишь слабые отзвуки его, но увидел, как Мрачная Морда перекатился и опрометью ринулся внутрь. Через несколько секунд шум утих. Мрачная Морда и добренький вновь глянули друг на друга, словно обменявшись безмолвными сообщениями, а затем, синхронно, глянули на него. Когда Кинкейд глянул на них в ответ, добренький отвел взгляд первым.

Плохо. Именно тогда Кинкейд понял, что лучше ему больше не медлить.

На обед или, возможно, ранний ужин, возможно последняя его трапеза вообще, была какая-то тушеная крупными кусками пакость. Нерас-

познаваемые куски мяса, смешанные с серо-зеленой слизью и чем-то изображающим из себя морковь и картошку. Добренький выдал еду в рационных жестянках вместе с вилкой, ложкой и стаканчиком мерзкого кофе. К тому времени они уже позволяли Кинкейду сидеть, с руками в наручниках за спиной, когда он не ел и не ходил наружу. Невзирая на тот факт, что они уже ненавидели друг друга с потрохами, добренький и Мрачная Морда расстегивали наручники правильно – Мрачная Морда с винтовкой наперевес, в то время как добренький возился с ключом. Затем Мрачная Морда отправился курить.

Кинкейд насильно запихнул в себя большую часть еды, смывая ее внутрь кислым псевдо-кофе. Попросил еще один стаканчик у добренького, который, будучи добреньким, тут же его предоставил, и это было тем, на что Кинкейд рассчитывал. Он повидал достаточно полей боев, чтобы знать, что получают медики на руки, когда раненые в живот, страдающие от пробки в кишках, наконец, прочищают ее, особенно выпив что-нибудь горячее, вроде, к примеру, кофе. Все разом, и на выход. Оптом.

Неожиданно, Кинкейд прекратил жевать, с наполовину набитым ртом. – О боже...

– Что-о? – добренький отпрыгнул на два метра в сторону, с лазером наготове в правой руке.

– Не знаю... – простонал Кинкейд, складываясь вдвое. – От, дерьмо, кажется я сейчас наделаю в штаны! Мужик, я серьезно, не могу вытерпеть!

Мрачная Морда засунул голову внутрь, принявшись вглядываться. Сигарета перепрыгнула в уголок его рта. Губы скривились. – Подождешь. – Сигарета вернулась на место.

– Мы должны его вывести, – сказал добренький.

– Когда я докурю.

– От, дерьмо-о... – выдохнул Кинкейд, закрывая глаза. Начал кривиться, в спазмах. – В что, хотите чтоб я наложил прямо в штаны? Господи боже, я больше не могу, я шас... – сложился пополам вновь, гримасничая... – Господи...

– Я его вывожу, – сказал добренький.

– Тогда делай все сам, – буркнул Мрачная Морда. – Вытрешь ему жопу, когда он закончит.

– Господи... – Кинкейд обнажил зубы в жуткой гримасе. – О, нет, мне надо наружу, о, нет, о, нет... господи... я...

Двумя секундами позже лицо добренького в шоке исказилось. – Кончай, кончай! – завопил он, замахав руками.

Мрачная Морда уже был на ногах, сигарета прыгала, дымок рваной спиралью уходил ввысь. – Он что, уже?!! Блин, только не дай ему...

– Я больше не могу! Иисусе...! – Кинкейд выдавил пару слез, одновременно отводя взгляд, – Я ж вам говорю! Пожалуйста, бога ради...

– Стой, стой, стой! – добренький быстро поддавался, вероятно представив, кто будет это все убирать. – Давай, я тебя выведу!

– Черт... – Кинкейд упорно отводил глаза. Парни стыдятся, навалив себе в штаны. – Секундочку... – опять сложившись в приступе. – Секундочку... – пряча в руке вилку, – Христа ради...

– Долго ты там еще будешь возиться? – Мрачная Морда. – Вытаскивай его, давай, быстро!

– Ну, давай, пошли, – добренький, у его правого локтя, с рукой на его плече. – Пошли, я выведу тебя, только не...

Кинкейд взвился вверх, схватил правое запястье добренького своей правой, одновременно левой всаживая вилку ему в глаз. Добренький заорал, уронил лазер, схватившись за лицо, Кровь и глазная жидкость брызнули, вилка задрожала. Кинкейд подцепил лазер правой, ушел также вправо, скорчился, увидел Мрачную Морду, пригибающегося для выстрела, и поджарил его в тот момент, когда то, наконец, выставил винтовку в нужную сторону. Завопив, Мрачная Морда дернулся назад, впечатавшись в нависающий камень, лазер его разрядился, прорезав рубец в нескольких сантиметрах над головой Кинкейда. Затем Мрачная Морда отскочил вправо и исчез.

Добренький все еще вопил. Кинкейд обогнул его и затем впечатал свое левое ребро ладони в его горло. Ощутил как хрупкий хрящ гортани разлетелся, после чего добренький перестал вопить, упал на колени и принялся царапать глотку, пытаясь дать воздуху доступ сквозь разможженую гортань, но лишь производя булькающие придушенные звуки. Прижав ствол лазера к виску добренького, Кинкейд нажал спуск. Вспышка, шипение. Вонь паленой плоти. И добренькой перестал пытаться задышать.

Запыхавшись, Кинкейд вылетел из зева пещеры. Глянул вниз. Передернулся. Мрачная Морда разлетелся как наполненный кровью мешок пятьюдесятью – шестьюдесятью метрами ниже. Его винтовки нигде не было видно.

Черт. Кинкейд осел, прислонившись к стене пещеры. Его рана опять открылась, бок горел огнем, а кровь принялась сочиться. В воздухе висела вонь испражнений и паленой свиньи. Вернувшись назад, он подобрал ручной лазер добренького, и ухватил свой учебный лазер. Он бы содрал с добренького штаны, но парень был слишком мелким. Он стащил свои трусы и отшвырнул, решив, что если останется в живых, из этого выйдет чертовски хорошая байка, рассказываемая в барах. Натянул свою форму на зад. Повесил учебный лазер на правое плечо. Поблагодарил господу за то, что у него оставалась парка, а в парке, его перчатки. Нырнув вниз, он на короточках преодолел вход и затем направился по тропе к северу.

Если я смогу преодолеть подъем – Он шел так быстро, как только мог, но его качало, от дней проведенных в неподвижности и неров-

ности каменистой тропы. - *Если я смогу преодолеть подъем, то смогу найти место, где подождать полковника, он должен идти сюда...*

Слабый ритмичный звук доносился до него, отдаваясь эхом в каньоне, и он осознал, что это, должно быть, вертолет, все еще на севере, но приближающийся. Он был все еще слишком далеко, чтобы его увидеть, но если он заберется наверх, подаст сигнал... - *Потому что что-то произошло, и они направили людей сюда... Найти нас.*

И затем его озарила идея. Торопливо направившись к месту на пути, где нависшая губа сухого как трут мха и полыни была чуть ли не на уровне его плеча, он был все еще в добрых семи сотнях метров от края. Лазер переключился на полную мощь, и он принялся водить лучом света по полыни и кривым корням. Незамедлительно трава вспыхнула, рассыпалась искрами, треск и шипение, и, несколькими секундами спустя, серый дым и рдяно-оранжевый огонь ринулись к обрыву. Восходящий поток принес с собой кислород и пламя стало жарким и ослепительным. Он видел, как огонь прогрыз себе путь до самого верха. Дым танцевал и кружился, а огонь добрался до тройки приземистых елочек, и в яркой вспышке и они воспламенились.

Чем не сигнальный огонь? - он вновь устремился вперед, шипение и рык огня отдавались в его ушах. - *Они его увидят...*

Затем он поглядел вверх, и живот его скрутило узлом.

Дым, и теперь полковник точно знал, что что-то не так. Очень. Даже с Амандой, висевшей у него на плече, он попевал вовремя, и она все еще не приходила в сознание. Тропинка, выйдя из-за деревьев, становилась гораздо шире, направляясь к востоку, и изгибаясь буквой S. Уже будучи на изгибе он в первый раз заметил дым, и тут же перешел на трусцу. Еще сто пятьдесят метров и он увидел парня из Маскировки, размазавшегося на багряных скалах, а затем засек Кинкейда.

Нет, ты не украдешь ее у меня, только не сейчас! - Грязно ругаясь, полковник встал, скинул Аманду с плеча и развернулся, придерживая винтовку правой рукой, в полуприсяде. В следующий момент он, просканировав тропу сквозь клубы дыма, едва не рассмеялся. Кинкейд был где-то в шести сотнях метров, легкая мишень, и лишь с лазерным пистолетом и этим жалким учебным лазером. Он прикинул, что Кинкейд был слишком далеко, чтобы добежать до относительной безопасности пещеры, так что так и так, считай, он попался. Единственное, что Кинкейд мог, это нырнуть за стену, чего он также не мог, поскольку тропа была прямой.

Не совсем то, на что полковник рассчитывал. Ему придется наслаж-

даться Амандой в одиночестве. Но? Полковник снял винтовку с плеча. Считай еще одно удовольствие, из ждущих его.

Кинкейд увидел их обоих, и полковника и Аманду. Увидел левую ногу униформы Аманды, бурую от крови, увидел сквозь все густеющий дым, как полковник скинул Аманду с плеча на землю, где она и застыла, недвижимо. Он знал, даже и не оглядываясь, что не успеет вернуться или скрыться за углом. Так что он принялся делать единственное, что мог в этой ситуации.

Торопливо запихнув ручной лазер в карман своей парки, Кинкейд перекинул винтовку из правой в левую руку и заторопился вверх по тропе.

Один лишь шанс, я получу лишь один, и затем все неважно, поскольку я буду мертв, а вертолет доберется сюда прежде чем он успеет сделать что-либо с Амандой, Господи, насколько серьезно она пострадала, неужто он... ?

Кинкейд выкинул из головы все эти мысли, сосредоточившись на ковылянии по камням, сморщившись, когда его бок задел край скалы. Все густеющий слой дыма повис между ним и его противником. Но это также означало, что и то его не может видеть....

Его голова дернулась, когда он услышал ритмичный звук лопастей вертолета. - *Да, да!* - Он шел, горбился, двигался на полусогнутых. Вертолет бы все ближе, поскольку пилот, должно быть, увидел дым и огонь и они наверняка успеют, чтобы спасти Аманду, это единственное, что волновало его, просто спасти Аманду...

И неожиданно левая нога Кинкейда закрипела по гравию, затем уехала в сторону, и он поскользнулся. И зев каньона раскрылся по его левому боку.

Аманда медленно пришла в себя. В голову ей, казалось, кто-то хитрый забросил петарду, после чего захлопнул крышку. Жуткая головная боль угнездилась где-то позади ее глаз, а боль по всему затылку и шее была такова, что без проблем забила собой непрерывно ноющую ногу. Она знала, что лежит на земле, иссохшая полынь упиралась ей в щеку, а во рту была грязь пополам с камнями на крови. Она слышала что-то, напоминающее треск складываемого на морозе целлофана,

затем почуяла носом запах горелой древесины, и принялась давиться дымом. С трудом она приподнялась на локтях.

Они были на краю Каньона Смерти, и она видела полковника, перед ней и немного слева, спиной к ней, с винтовкой в руках, густой серо-черный дым вился вокруг него, земля горела, и он казался каким-то выходцем из ада. Она заставила себя сесть, чуть не застонав, делая это, и вдруг почувствовала, как лямка ее учебного лазера проволокалась по ее правой руке.

Нет! - Кинкейд закачался на краю. Его нога скользнула по камню и затем ушла вбок. Завопив, он бросил себя вправо, молотя рукой в поисках зацепки. Он рухнул вниз, его грудь врезалась в скалу, его живот заскользил по твердым камням. *Не потерять винтовку, только не потерять!* - и затем, в последний возможный момент, его правая рука ухватилась за камень. Мелкие камушки брызнули из под него, но он удержался, врываясь локтями и носками ботинок, и хватая ртом воздух, со вкусом дыма и горячего пепла.

Все это заняло меньше пяти секунд, и когда он осмелился открыть глаза вновь, то обнаружил, что соскользнул вниз на два, может быть три метра с гребня. - *Слишком далеко, чтобы успеть вскарабкаться назад.* Он бросил быстрый взгляд на дым. Ветер мог изменить направление в любой момент, и он должен был быть к этому готов. И затем его осенило, что это его падение в равной степени могло быть и благословением.

Поскольку он не сможет компенсировать притяжение под таким углом, и ему придется целиться выше.

Но он должен был подобраться ближе; отодвигаться в его положении отнюдь не стоило. Глаза его рыснули влево, выискивая какой-нибудь уступ, годный для того, чтобы поставить ногу. И вот он, не больше чем в метре, не совсем уступ, скорее выступ скалы, образовавший своего рода сиденье, идеальное в его положении. Кинкейду потребовалось пятнадцать секунд, чтобы добраться до него и две, чтобы на нем устроиться. И затем он шумно выдохнул, стараясь снять напряжение, выискивая в себе то безмятежие, что потребуется ему для того, чтобы сделать свой последний, итоговый выстрел.

Полковник был так разъярен, что гнев душил его не меньше этого проклятого дыма! С глазом, застилаемым слезами, он сидел на корточках, пока ветер бичевал темное облако дыма. Он слышал треск пожираемой огнем полыни, выдел языки пламени, лижущие стволы елочек. Дым клубился над гребнем, и тут, столь же неожиданно, направление ветра сместилось и дым поредел, и теперь он мог видеть уходящий вдаль край каньона, плоский подъем далекого прохода и, уже гораздо ближе, Кинкейда.

На секунду полковник был так изумлен, что едва не изумился вслух столь радостному обороту. Свалился с тропы, спеша на помощь своей даме в беде? Ну, Кинкейд облажался и с этим. Кретин размазался по склону. Какая жалость, что он не свернул себе шею, но вы только на него гляньте – сложился на камушке, с учебным своим лазером, не более смертоносным, чем детская игрушка в руках.

Ну и спасибо тебе, за то, что сделал мою работу проще. - с Кинкейдом, находящимся настолько близко, полковнику не нужно было беспокоиться о баллистике и уходящей вниз траектории, хотя ветер мог представлять собой проблему. Пять сотен метров, где-то так. Плевое дело.

Еще одно облако дыма, но полковника это уже не волновало. Выпустив из груди воздух, повел вниз перекрестья, даже несмотря на гулкий шум вертолета, более его не волновало ничего, кроме этого самого момента, приближаемого им все последние три года.

Поскольку я прикончу его и затем и ее и себя, и все будет кончено, и все в порядке, даже если я и не смогу свалить Камерона и это проклятую Гегемонию.

Он ждал, пока дым рассеется, скоро, если судить по ветру, задувавшему к востоку, и видел, что прицел его превосходен, перекрестья его сошлись прямо на точке где-то над левым ухом Кинкейда.

Удар сердца, пауза. И в этом отрешенном безмолвии, полковник, затаив дыхание, направил палец на спусковом крючке.

Это был именно тот самый момент, которого и ждал Кинкейд. Шум вертолета, рев огня, терзающая его боль – все это ушло на задний план. Все эти отвлекающие его факторы были отброшены, как дерево осенью сбрасывает свои листья. Дым редел, расходился, тончал, и Кинкейд увидел белое размытое пятно лица его оппонента, появившееся прямо в прицеле, поскольку Кинкейд оценил дистанцию точно, именно сколько и надо было. Внимание его настолько ушло вперед, что он даже засек чуть приподнявшиеся в изумлении плечи полковника, но

тот продолжал целиться, с глазом, закрытым оптическим прицелом....

И тут Кинкейд нажал на курок, сделав лучший выстрел за всю его жизнь.

Пронзительная красная вспышка расцвела в центре перекрестий его прицела, и затем правый его глаз взорвался в ослепительном взрыве боли. Заревав в агонии, полковник дернулся назад, зашатался, упустил винтовку, заскользившую по камням. От удара она выстрелила, и поскольку он был рядом, он услышал и выстрел и свист пули, пролетевшей у его левого уха, в тот же момент. Он услышал и скрежет гравия под его ногами. Глаз его был зажмурен туго-натуго, слезы с трудом выскальзывали из-под правого века. Боль была настолько невыносимой, что ему казалось, что Кинкейд каким-то образом вонзил раскаленную добела кочергу прямо через глазницу ему в мозг. Он просто не мог открыть его, боялся, что глаз просто брызнет наружу, и боялся, что... боялся, что он...

Слеп! - эта мысль вонзилась в него, подобно острому осколку стекла, - *Луч лазера... усиленный... прицелом... ослепил... мой глаз...*

Плача от боли и ужаса, он изогнулся, сложился в талии, дернулся вправо. *Надо встать, выйти на ровное место, бежать отсюда!* - Но он слишком боялся открыть глаз, и он не мог видеть, он был слеп...!

И затем что-то свистнуло у него за спиной. Он почувствовал порыв воздуха, разбившийся об его спину, прежде чем вернуться вновь, но в этот раз с силой тяжелой кувалды.

Дым, и огонь, и земля вибрировала от басовитого гула вертолета, но она была уже на ногах, со стволом ее учебного лазера в руках. Она уже не чувствовала своей левой ноги, та онемела, и ей казалось, что она ковыляет на грубой деревяшке. Она похромала вперед, в основном прыгая на правой, пытаясь сократить дистанцию между ними прежде, чем полковник выстрелит, поскольку знала, даже и не глядя в ту сторону, что Кинкейд там, внизу, и ей нужно успеть добраться до полковника, остановить его! Но прежде, чем она смогла это, спина согнувшегося прежде ежом полковника неожиданно выпрямилась, став прямой, как шомпол. Заорав, он вскинул руки, винтовка полетела прочь, крутясь подобно жезлу тамбурмажора. Она услышала, как та ударилась о кам-

ни, увидала, как он пятится от края, хватаясь руками за правый глаз. Он стоял на пятках, качаясь, и был достаточно близко. Как раз.

Развернувшись в замахе, Аманда махнула учебным лазером, словно секирой, вложив в удар все силы. Со свистом приклад разрезал воздух и впечатался в спину полковника так сильно, что ствол лазера едва не вылетел у нее из рук. Удар послал полковника вперед, шаг, два, и затем — он исчез

Ну, за исключением крика.

Кинкейд увидел Аманду, ковыляющую к полковнику, с лазером в руках подобно бите, и заорал от восторга, поощряя ее. Она была сама красота. Она была огонь, с рыжими ее волосами и дикой, перекошенной гримасой. Она была смерть и никогда в жизни он не любил ее больше, чем сейчас.

Он видел, как она замахнулась, и как ударила, он смотрел, как полковник улетел от удара, перевалился через край, и полетел вниз, вопя. Он видел, как Аманда качнулась, сделала шаг, видел как лазер выскользнул из ее пальцев и затем смотрел, беспомощно, как она сложилась пополам и упала. Видел, как «Редхок» вплыл на сцену, сдувая огонь и дым, и ревя как зверь, вырвавшийся из глубин ада.

Военный госпиталь Эванс, Терра
10 января 2439,
18:25

Постепенно она приходила в себя. В первый раз это были бормочущие голоса, укол иглы и тупая боль катетера, воткнутого ей в вену на левой руке. Кто-то орал:

– Майор, мы доставим вас в госпиталь, вы понимаете? Майор, если вы меня слышите, сожмите мои пальцы! – она попыталась сосредоточиться и должно быть, сделала, что он просил, поскольку затем кто-то прижал кислородную маску к ее рту и носу. Она чувствовала, как ее качает, тащит вверх, рев винтов и земля уплыла прочь. А может быть, ей это все померещилось.

В следующий раз это были яркие лучи и новая боль, но вся где-то там, далеко. Горло ее пересохло, и что-то такое, твердое, торчало у нее во рту, уходя вплоть до гортани. Она запаниковала, она не могла дышать. Затем голос, женский, говоривший ей не беспокоить трубку, размытое пятно сквозь отекавшие веки, и ощущение чего-то холодного на ее предплечье...

Снова темнота, снова беспмятство.

В третий раз она очнулась в постели с алюминиевыми трубками по бокам, в комнате, погруженной во мрак, за исключением приглушенной лампы на тумбочке справа от нее. Во рту ее была жуткая сухость, и когда она попыталась сглотнуть, то смогла это с трудом. Облизав языком губы, она обнаружила, что те потрескались и на них шелушилась кожа, и это напомнило ей тот момент, в горах, когда она заворачивала за палатку...

Должно быть она шевельнулась или издала какой-то звук, поскольку тут же до нее донесся шорох ткани о ткань и Кинкейд тут же оказался рядом. Он была так ошеломлена, что губы ее задрожали, а глаза обожгло слезами.

– Аманда, – пальцы его коснулись ее щеки, и она почувствовала, как они смахнули слезы. – Давно пора; сколько можно спать, а, подруга?

Глаза у нее были на мокром месте, и она смущалась этого. Ей не хотелось, чтобы он подумал, что она плачет из-за *него*, хотя так оно и было. Рот с трудом слушался ее, и слова выходили рваными. – Я... я такая... дура, ... плакать...

Губы Кинкейда искривила ухмылка, – не переживай так насчет этого. Доктора говорят, это все болеутоляющие, а если и нет, то тебя здорово потрепало. Так что не переживай, плачь, сколько хочешь. Я знаю, что ты рада меня видеть.

– А ты... и не против. – Она выдала слабый, неуверенный смешок, и скривилась, когда горло ее дернул спазм. – Пить хочу.

Кинкейд скормил ей чуток льда с сиропом. За всю ее жизнь она не

пробовала ничего вкуснее. Она ощутила волну облегчения, залившую ее, в такой же мере физическую, побуждающую напряженные ее мускулы расслабиться, как и эмоциональную. Когда она закончила, он поинтересовался:

– Ну то, готова узнать, что происходит?

Она кивнула.

– Как они нас нашли? Чего вообще они принялись нас искать?

– Одна из доков, что были в проекте, подняла тревогу. Флетчер, работает с обезьянами.

– В жизни не слышала.

– Ты ее знаешь. Она одна из тех, кому, ну знаешь, не все равно. – Он рассказал ей историю о Пауэрсе, затем добавил, – в общем, она грохнула Пауэрса и затем забрала его велосипед. Проблема лишь в том, что никто не знает, спланировали ли Пауэрс с капелланцами все это вместе, ну, знаешь, дублирование усилий, в случае если один из вариантов провалится, или он работал на кого-то еще.

– Отрыв, – сказала она, – Так занят высматриванием первого парня, что даже и не увидишь второго.

Он кивнул, – Все, что они нашли, это то, что у Пауэрса имелся неучтенный счет в одном из банков, у черта на куличках. И ни малейшей идеи, кто платил ему. Так что это могли быть капелланцы, или капелланцы и Федеративные Солнца вместе, хотя это и не вяжется. Да это мог быть даже кто-нибудь из знати, кто-нибудь, считающий, что у него больше прав на Гегемонию, чем у Камерона. Способ действий? Утащить «Маки», убрать пилотов, смешать Камерона с грязью и устроить в Гегемонии форменный хаос, *прощальным ударом*, а затем появиться на белом коне и всех спасти. Просто быть шустреньким и чертовски милым бизнесменом, не особо возражающим против того, чтоб потратить пару миллиардов с потенциальной выгодой.

– Мне казалось, что твои родственники тоже бизнесмены. Они бы не стали.

Кинкейд смирил ее взглядом.

– Не будь в этом так уверена. Бизнес есть бизнес. Если любой из моей семьи попытается выкинуть что в этом роде, его устранят и заменят кем-нибудь... *более чутким* к намекам.

– Ну тогда слава богу, что подобного не случилось.

– Еще. – Кинкейд помолчал. – Кто бы это ни был, у него достаточно наглости, терпения и власти. Он еще покажется.

Она не могла противиться соблазну.

– Это может быть и она.

– Господи, только не это, – закатив глаза, простонал Кинкейд. – Если она навряд тебя, то уверен – мы все в глубокой заднице.

Они поухмылялись друг другу. Затем Аманда спросила.

– Так они исправили шлем?

– Ну, они *сказали*, что избавились от контура. Случится ли и с нами что подобное через пару-тройку месяцев в шлеме... кто его знает? Они провели тесты, на мне. На тебе тоже, но ты была без сознания. Пока все нормально. Флетчер теперь помощник директора, и Гбарлеман сказал никаких проблем не будет. С точки же зрения Верховного Командования, ничего этого не было.

– Не уверена, что мне нравится, как это звучит.

– А к чему всех оповещать? Знаешь, сколько народу гибнет, когда они испытывают что-нибудь новенькое? Небольшие затруднения происходят постоянно, просто обывателям об этом не говорят. Но как ты собираешься выигрывать, если боишься проиграть?

– Только не говори мне, что это очередная порция отстоя типа «риск – это моя профессия».

Кинкейд пожал плечами:

– Ну, так оно и есть. Ну да, мы можем завязать. Можем и поднять шум, но появится кто-то еще, и станет рисковать за нас. Именно затем и нужны испытания, именно затем пилоты и летают на всех этих прототипах, зная, что могут убиться если что не так. Или считай это частью работы, или вовсе за нее не берись.

Она решила оставить эту тему. Он рассказал ей о Джеймс и Хакетте, затем о поисковых отрядах. Затем она поинтересовалась, когда ее выпишут, поскольку знать, что именно с нею ей не особо хотелось. Но все же она спросила:

– Так что со мною не так?

– Ну, довольно серьезное сотрясение, трещина в черепе, не говоря уж и о потере пары литров крови. В общем, ты довольно долго здесь провалялась.

– Сколько это, долго?

– Примерно недели три.

Она широко раскрыла глаза:

– Три недели?

– Ага. Сейчас уже считай, середина января. Под новый год ты была в палате интенсивной терапии. Сестры закатали вечеринку, и даже надели тебе на голову эту забавную шапку конусом.

– Ни одному слову не верю, – отозвалась она, смеясь. Картинка, появившаяся в ее воображении, была запредельно глупой. Но новый год, ну да, уже новый год. – Так когда я смогу выбраться отсюда?

– Ну. Раз уж ты очнулась, то думаю, к концу недели. Но особо ты, это, не торопись. Рана, что ты заполучила, оказалась той еще. Они не смогли даже ее толком зашить, настолько большой она оказалась. Так что они вырезали все лишнее и накачали тебя антибиотиками по горлышко. Позволили ране самой заживать. Шрам, говорят, будет жуткий.

Она лишь отмахнулась:

– Это меньшее, что меня заботит. А что насчет тебя?

Губы его искривились в ухмылке:

– Ну, они подержали меня пару дней, а затем им надоело слушать мое нытье. Парни из Маскировки обошлись со мной довольно неплохо, так что я легко отделался, – он замолчал, и она ощутила, как настроение его внезапно изменилось. – Не знаю, как это тебе сказать...

Ответ она увидела его у него в глазах, и особо, в принципе, он ей был и не нужен, но все же она не смогла удержаться, не спросив.

– Так ты, значит, пилотируешь «Маки»... – и когда он кивнул, добавила. – Ну да, логично, единственный разумный выбор. Так что, да, конечно, – она заставила свои губы разойтись в улыбке, – Поздравляю. Полагаю, лучший и выиграл.

– Спасибо, – и наклонив голову вбок, Кинкейд поизучал ее немного, – Вообще-то, я отказался.

– Что?

– Ты меня слышала.

– Ну да, но не поверила. Какого черта ты это сделал?

Он приподнял чуть плечо, затем уронил, – Потому что я был единственным оставшимся.

– А что случилось с этим «Ура, ура, Гегемония»? Только не говори мне, что у директор-генерала не, ну знаешь, случился припадок.

– Ну, он был жутко настойчив. Как и все мои родственники, вложившие в проект деньги. Они хотят пробный забег точно по графику и без всяких там отсрочек. Ну, ты понимаешь, «семья от тебя зависит», «это твой долг» и все такое. В конце я согласился подумать.

Она не поверила, когда услышала слова, вырвавшиеся из ее собственного рта:

– Ты что такое несешь? Кто-то же должен пилотировать эту чертову штуковину, так почему не ты?

– А не ты? – он нахмурился, – Что? Но почему?

– Потому что тогда это все было зря, – сказала она. – Хакетт, Джеймс... все *это*. Не знаю как там насчет тебя, но я, можно считать, чуть не погибла. Пусть даже так, я могу это принять, хотя бы потому, что я солдат. Как ты сказал, это моя работа. Как и твоя тоже. Так что вперед – покажи этим капелланцам, Федеративным Солнцам... черт, да всем им, что мы, черт возьми, профи! И что они не смогут нас задавить. Если ты не пожелаешь пилотировать эту штуку, то Камерон будет выглядеть идиотом, а мы все уродами. Помнишь, что ты там говорил насчет Изабель?

– Помню.

– Ну, это то же самое. Мне это не нравится, но я приму это, потому что есть вещи, которые ты обязан сделать, и это – одна из них. Так что, если ты можешь жениться на женщине, которую не любишь, поскольку это твой долг, то ты вполне можешь сделать и это, ради меня. Кроме того, как, по твоему, я буду присматривать за твоей задницей в «Маки»,

если ты не затащишь свою ленивую задницу в кресло и не докажешь всем, что это ведро с болтами работает?

Он молчал, его синие глаза смотрели в ее. И затем губы его разошлись в слабой ухмылке. – По-моему, ты заиклилась на моей заднице.

– Терпи, Кинкейд, я твой ведомый, – незамысловато отозвалась она. – Всегда была и всегда буду. Кроме того, засунуть и тебя и меня в пару охрененно крутых «Маки»? – поймав его руку, она сжала ее, зная, что никогда его не отпустит, – Да, эта вселенная окажется в серьезном дерьме...

Конец

В следующем месяце:

Дом Штайнер

«Освобожденный Прометей»

от Герберта А. Биса II

